

Военные
В приключения
П

ПЕРВЫЙ УДАР

НИК. ШПАНОВ

Военные приключения

Николай Шпанов

Первый удар (сборник)

«ВЕЧЕ»

1939

Шпанов Н. Н.

Первый удар (сборник) / Н. Н. Шпанов — «ВЕЧЕ»,
1939 — (Военные приключения)

Произведения, вошедшие в эту книгу, в прошлом веке издавались неоднократно. Каждый командир Красной армии был обязан прочесть «Первый удар», а популярности «советского Шерлока Холмса» – Нила Платоновича Кручинина – и его верного друга Сурена Грачика могут позавидовать авторы многих сегодняшних бестселлеров. Недаром сам Юлиан Семенов советовал своим друзьям: «Учитесь у Шпанова».

© Шпанов Н. Н., 1939

© ВЕЧЕ, 1939

Содержание

«Учись у Шпанова!..» (вместо предисловия)	5
Первый удар	10
Люди	10
Обстановка	17
1	26
2	28
Средства	32
Четыре минуты	47
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Ник. Шпанов

Первый удар (сборник)

«Учись у Шпанова!..» (вместо предисловия)

Писатель Николай Николаевич Шпанов родился 22 июля 1896 года в городке Никольск-Уссурийский в семье железнодорожного служащего. Окончил классическую гимназию, поступил на кораблестроительный факультет Петроградского политехнического института, но окончил всего два курса. Пересилил интерес к только зарождавшейся тогда авиации. После окончания в 1916 году Высшей офицерской воздухоплавательной школы воевал как боевой летчик на фронтах Первой мировой войны. В 1918 году вступил добровольцем в Красную армию. Почти четверть века отдал Военно-воздушному флоту СССР, редактируя журналы «Вестник воздушного флота» и «Самолет». В 1925 году в журнале «Всемирный следопыт» появился первый (фантастический) рассказ Ник. Шпанова «Таинственный взрыв».

Фантаст Г.И. Гуревич позже вспоминал: «Шпанов был высокий... Чуть сутулился... Помню серо-седые волосы, очки... Биография у него колоритная. Летал на воздушном шаре, совершил вынужденную посадку в области Коми. Написал об этом, понравилось...» В начале тридцатых одна за другой выходят очерковые книги: «По автомобильной Трансевразии. На автомобиле по Уссурийскому бездорожью»; «Подвиг во льдах» – о спасательной экспедиции ледокола «Красин»; «Во льды за “Италией”» – очерки, вступительную статью к которым написал знаменитый летчик А.Б. Чухновский; «Загадка Арктики»; наконец, в 1931 году – повесть «Земля недоступности» (переиздававшаяся и под названием «Лед и фраки»).

Но всесоюзную славу Ник. Шпанову (он почти всегда подписывался этим псевдонимом) принес роман «Первый удар». Отрывки из него с августа по ноябрь 1936 года (под названием «Гибель Сафара. Поединок») печатались в «Комсомольской правде». В 1939 году произведение появилось в журнале «Знамя», и тогда же вышло отдельной книгой («Первый удар. Повесть о будущей войне») сразу в нескольких крупнейших издательствах: в Воениздате, в ГИХЛе, в Гослитиздате, в Детиздате, в «Роман-газете», в «Советском писателе». О том, что книгу торопились донести до читателей, говорят выходные данные первого издания: сдано в производство 15 мая 1939 года, подписано к печати 22 мая 1939 года.

Напряженным ожиданием скорого столкновения с фашизмом жила в те годы вся страна. Массовые сборники (например, «Война», 1938), нередко предваряли такие слова: «Редакция поставила перед собой цель – ознакомить пионеров и школьников старшего возраста с военной техникой и ее боевым применением». Повсеместно цитировались слова Ленина: «Фраза о мире смешная, глупенькая утопия, пока не экспроприрован класс капиталистов». Войны ждали, войны боялись, о ней знали: она вот-вот разразится. И больше всего чудес ждали почему-то от авиации. Кстати, сейчас задним числом видно, что в советской фантастике тех времен успели отметиться чуть ли не все знаменитые советские летчики, в том числе первые Герои Советского Союза: Илья Мазурук выступил с фантастическим рассказом «Незарегистрированный рекорд» (1938), Георгий Байдуков с фантастическими очерками «Через два полюса» и «Разгром фашистской эскадры. Эпизод из войны будущего» (1937), напечатанными, кстати, в главной партийной газете страны «Правда», в 1936 году вышла в свет «Мечта пилота» Михаила Водопьянова.

Много шума наделала книга майора германской армии Гельдерса «Воздушная война 1936 года. Разрушение Парижа». По ее тексту 9 июля 194... года армады германских бомбардировщиков заходят на бомбежку Парижа, а уже 12 июля «французский и бельгийский посланники в Гааге передали британскому правительству просьбу о немедленном заключении

перемирия». Ответом на фантазии Гельдерса стал роман П. Павленко «На Востоке». Мариэтта Шагинян писала (это тоже знамение времени): «...замечательная книга. Если многие из писателей могли до сих пор делать свое дело мимо соседа, не зная и не читая чужих книг, то сейчас, после романа Павленко, с этим покончено. Не прочтя и не учтя его, не устроив смотря собственным силам, не почистив собственную кухню, не поучившись и не “переквалифицировавшись” при помощи огромной удачи Павленко, писатель рискует сразу осесть, как дом от землетрясения...» И дальше: «...Павленко – большевик с хорошей биографией – много и умно читал, прежде чем стать писателем. Он вовсе не стыдился учиться у современного Запада. Но он “импортировал” западную литературную технику точь-в-точь так, как мы в начале пятилетки импортировали в Союз заграничную машиностроительную технику: он ее взял без сюжета, как машину капитализма. Западный способ письма, паузы в синтаксисе... Павленко взял эту технику, служащую на Западе как иллюзия, и заставил ее работать в своем романе, как конвейер для облегченного развития действия. Получилось очень хорошо, получилось по-советски, получилась та самая заграничная марка, которую мы освоили у себя на заводе, и стахановец гонит на ней такие нормы, о каких она дома не помышляет, а в то же время марка никому не грозит ни безработицей, ни затовариванием, ни кризисом, ни забастовкой».

Герои романа Павленко с упоением громили фашистскую Японию буквально в считанные дни. Завороженных читателей не удивляли даже такие невероятные пассажи: «Английские моряки, свидетели боя под Майдзуру, подтверждали наблюдения норвежского капитана относительно непонятной тактики красных, а сам норвежец в конце разговора признался, что еще вчера ночью он встретил подлодку красных в заливе Чемульпо, но никому не сказал об этом из боязни за судьбу своего “Тромсэ”. Он будто бы крикнул советскому офицеру, стоявшему на мостике лодки: “Где вы намерены еще драться, черт вас возьми?” И тот ответил, пожимая плечами: “Это пограничное сражение, сэр...”»

Взгляд на будущую войну – как на войну одного мощного, стремительного удара, сформировался не на пустом месте. Еще в 1930 году И. Сталин в письме к Горькому разъяснял, как следует готовить советский народ к грядущим потрясениям. «Мне кажется, – писал он, – что установка Воронского, собирающегося в поход против “ужасов” войны, мало чем отличается от установки буржуазных пацифистов...» Партия, писал Сталин, решительно против произведений, «...рисующих “ужасы” войны и внушающих отвращение ко всякой войне (не только к империалистической, но и ко всякой другой). Это буржуазно-пацифистские рассказы, не имеющие большой цены. Нам нужны такие рассказы, которые подводят читателей от ужасов империалистической войны к необходимости преодоления империалистических правительств, организующих такие войны. Кроме того, мы ведь не против всякой войны. Мы против империалистической войны как войны контрреволюционной. Но мы за освободительную, антиимпериалистическую, революционную войну, несмотря на то, что такая война, как известно, не только не свободна от “ужасов кровопролития”, но даже изобилует ими».

Самым ярким выражением такого взгляда на войну стал в советской литературе знаменитый роман Ник. Шпанова. «Мы знаем, – говорят герои “Первого удара”, – что в тот миг, когда фашисты посмеют нас тронуть, Красная армия перейдет границы вражеской страны. Наша война будет самой справедливой из всех войн, какие знает человечество. Большевики не пацифисты. Мы – активные оборонцы. Наша оборона – наступление. Красная армия ни единого часа не останется на рубежах, она не станет топтаться на месте, а стальной лавиной ринется на территорию поджигателей воны. С того момента, как враг попытается нарушить наши границы, для нас перестанут существовать границы его страны».

Впрочем, успех «Первого удара» определился не только чрезвычайно точным совпадением взглядов автора и официальной доктрины, но и, собственно, немалым литературным даром самого Ник. Шпанова. В романе нарисованы люди, которых ведут высокие идеи. Вот летчик Сафар несколько театрально сверкает глазами: «Жалко, не я распоряжаюсь историей, а

то драка уже была бы. Без драки Европу не привести в порядок. Отдам жизнь для того, чтобы все встало на место». Не забудем, что в те годы талантливо «приводили Европу в порядок» самые разные советские писатели – Алексей Толстой, Илья Эренбург, Бруно Ясенский, Сергей Буданцев, Петр Павленко, Сергей Беляев. Несть им числа. Но только у Ник. Шпанова: «Политработники под руководством комиссаров частей обходили машины. Они заглядывали в полетные аптечки: все ли на месте? Есть ли предписанные наставлением медикаменты и перевязочные средства? Заготовлены ли препараты против обмораживания? Они, не стесняясь, открывали личные чемоданчики летчиков, штурманов, радистов. Туда, где не хватало шоколада, они совали плитки “Колы”. Незаполненные термосы отправлялись на кухню для заливки кипящим какао. Не отрывая людей от работы, они совали им в карманы лимоны, попутно, как бы невзначай, проверяя, надето ли теплое белье, не потерял ли кто-нибудь в спешке перчатки, исправны ли кислородные маски?»

Знание авиации позволяло Ник. Шпанову обстоятельно и просто объяснять читателям специальные вопросы. «По мнению Грозы (одного из героев романа. – *Г.П.*), важно было уменьшить “ножницы” в полетных свойствах бомбардировщиков и истребителей за счет улучшения первых. Чем меньше разница в этих свойствах, тем больше у бомбардировщиков шансов на спасение, а может быть, и на победу. Это значит, что бомбардировщик должен быть возможно более легким. Два легких бомбардировщика могут в сумме поднять столько же бомб, сколько несет при дальнем рейде тяжелый корабль. Они без труда преодолеют расстояние, отделяющее их от цели. Но при этом неоспоримо преимущество легких бомбардировщиков перед большим кораблем. Освободившись от груза бомб, да еще и от половины веса горючего, такой бомбардировщик превратится в настоящий боеспособный сверхистребитель. Тут уж он не только может защищаться, но и активно нападать. «Для этого, прежде всего, нужен меньший собственный вес, – оживился Сафар. – На наших красавцах это достигнуто применением сверхлегких сплавов магния и бериллия в комбинации с высоколегированными сталями – раз; установкой паротурбинных двигателей – два... Ты понимаешь, когда я еще амбалом был, кругом все говорили: пар? – отжившее дело! Паровик – это прошлое. Внутреннее сгорание – вот где перспективы! Я тогда мало в таких вещах понимал, а потом, как учиться стал, опять то же самое слышу: паровая машина – это древность, бензиновый мотор и дизель куда, мол, лучше. А вот теперь, гляди-ка – старичок-паровичок опять пришел и мотору очко дает...”»

Да, на мощных бомбардировщиках в романе Ник. Шпанова установлены... паровые двигатели. И рассуждения о пользе паровых турбин не случайны. Еще в 1936 году Шпанов выпустил три интересных книги об изобретателях: «История одного великого неудачника», «Джеймс Уатт» и «Рождение мотора». Он прекрасно знал предмет разговора и мог писать о нем профессионально и красиво. «Теряя высоту, Сафар мог уже без помощи трубы видеть землю. Темно-синий массив леса перешел в серую рябь кустарника. Дальше тянулись гряды невысоких холмов. Холмы были пустынные. Никаких объектов для использования своих бомб Сафар не видел. А он твердо решил не садиться (машина его подбита. – *Г.П.*), не истратив с пользой бомбы. Поэтому, придав машине минимальный угол снижения, на каком она тянула, не проваливаясь, Сафар снова повел ее по прямой. Отсутствие пронзительного свиста пропеллеров и монотонного гудения турбины создавали теперь, при свободном планировании, иллюзию полной тишины. Мягко шуршали крылья да тоненьким голоском пел саф (указатель скорости. – *Г.П.*). Если летчик давал штурвал от себя, голос сафа становился смелей, переходил на дискант; подбирал на себя – саф снова возвращался к робкому альту...»

«Сто сорок страниц повести были посвящены первому дню войны, точнее, первым двенадцати ее часам, – писал в свое время военный обозреватель Ю. Сибиряков. – По сценарию Ник. Шпанова, за это время произошли многие важные события. В полыхающих от пожаров германских городах вспыхнули восстания рабочих, на аэродромах у немцев практически не осталось готовых к бою самолетов, для “стратосферных дирижаблей” не было газа, в рядах

самой армии вторжения началась смута. Как ни странно, книга эта не была изъята из библиотек даже после подписания пакта Молотова – Риббентропа в том же 1939 году. Да и с чего бы? Ведь пакт наконец позволил создать ту самую общую границу с “вражеским государством”, с которым предстояло воевать. Разделявшая Советский Союз и Германию Польша была поделена между временными союзниками по пакту, оставалось только ждать, кто первым нарушит данные обязательства».

В годы Великой Отечественной войны отдельными выпусками появлялись части другого военно-приключенческого романа Ник. Шпанова «Тайна профессора Бурого». Речь в нем шла о таинственном химическом составе, способном сделать советские подводные лодки невидимыми. Понятно, открытие попадало в руки шпионов, что грозило нашему флоту катастрофой, но два старых верных друга, летчик Найденов и моряк Житков, успевали катастрофу предотвратить...»

Но жизнь не похожа на литературу.

«Дом на Воровского, угол Мерзляковского переуллка, где была аптека, разбит, – вспоминала Ольга Грудцова, дочь известного фотографа Наппельбаума. – Дома стали похожи на людей с распоротыми животами... Видны кровати, диваны, картины на стенах... Вернулся из командировки на фронт Николай Николаевич Шпанов... Он – бывший царский офицер – подавлен неразберихой, неорганизованностью, растерянностью нашей армии...»

Война есть война...

В начале пятидесятых Сталинскими премиями были отмечены весьма объемистые политические романы Ник. Шпанова – «Поджигатели» (1944–1948) и «Заговорщики» (1942–1952). Несмотря на множество чисто идеологических штампов, это была чуть ли не первая попытка рассказать миллионам, выигравшим войну, где и как зарождаются очаги международных напряжений, приводящие к взрывам. С огромным почтением отзывался о политическом всезнайстве Ник. Шпанова писатель Юлиан Семенов. «Если хочешь научиться чему-то, – писал он мне, – учись у того, кто умел хватать успех за хвост. Учись у Шпанова огромности темы, исторической насыщенности. Просто так – это не получается даже у ловкачей». И указывал на невероятное количество исторических персонажей, рассыпанных по страницам романов Ник. Шпанова: Сталин, Рузвельт, Гувер, Димитров, Гитлер, Кальтенбруннер, Гесс, Чан Кайши, Мао Цзэдун, Тито, Даллес, короли, президенты, послы, физики, летчики...

В своем последнем романе («Ураган», 1961) Ник. Шпанов предлагал с помощью современной авиации подавлять водородные и атомные бомбы прямо на земле или даже в воздухе. Профессионализм его не оставил. Многие страницы отмечены мастерством. «Самолет Парка садился не на сушу, а на палубу авианосца, – читаем мы. – Парк много путешествовал, очень много летал на войне и после нее. Не раз ему приходилось наблюдать, с каким напряжением пилот сажает самолет на неподготовленный военный аэродром днем или ночью, когда нельзя обеспечить безопасность привычной пассажирам галереей огней. Парк не раз бывал на авианосцах. Но ему еще не приходилось самому пользоваться полетной палубой этих кораблей. Сегодняшняя посадка казалась ему занятием для любителей сильных ощущений. Сверху палуба авианосца представлялась ничтожно узкой и короткой. Казалось почти невероятным, что тяжелый самолет можно посадить на столь ничтожно малом пространстве. Она белела коротким штрихом среди беспредельной синевы океана. Парк подошел к кабине пилотов. Хотелось видеть, как будут прицеливаться, заходить, снижаться, сажать на крошечную белую черточку восемьдесят тонн летающего металла. Взгляд Парка переходил от появляющейся посреди воды и снова исчезающей из поля зрения палубы авианосца – к лицу и к рукам летчика. В самый последний момент ему показалось, что летчик промахнулся и самолет всею тяжестью плюхнет в воду, взметет ее пенными фонтанами белых брызг и, не оставив следа, навсегда скроется от глаз людских. Неожиданно палуба, уже совсем не такая узкая и короткая, какую казалась, вынырнула совсем не с той стороны, откуда ее ждал Парк. Пилот сделал заход,

коснулся колесами палубы, и Парк ощутил огромную силу торможения. Теряя скорость, самолет словно упирался во что-то упругое, но еще более могучее, нежели инерция его громады. Вздрогнув, самолет, наконец, остановился. С высоты места, где стоял Парк, не было видно впереди ничего, кроме воды – снова вода и только вода. Он рассмеялся, толкнул дверцу, вошел к пилотам. Он не мог не пожать руки этим людям».

Но годы шли.

Менялась ситуация в стране.

Ник. Шпанов всегда пытался придерживаться господствующих идеологических указаний. Это было нелегко. Попытки всегда оставаться на идеологическом острие попросту разрушали его литературный дар. «Шпанов, на мой взгляд, превосходил всех массолитовских писателей, – вспоминал Кир Булычев. – Он казался мне человеком, которому судьба подарила самородок. Вот он вытащил из тайги этот самородок – свой талант – и принялся, суется, отщипывать, отбивать, откалывать от него куски, пока весь самородок не промотал».

Сказано сильно, но не совсем справедливо.

Даже среди последних книг Ник. Шпанова немало по-настоящему интересных.

«Ученик чародея», «Последний медвежатник», «Дело Оле Ансена», «В новогоднюю ночь», «Личное счастье Нила Кручинина»...

Мы предоставляем читателям возможность самим убедиться в этом.

Геннадий ПРАШКЕВИЧ

Первый удар

«...есть войны, которые рабочий класс должен назвать единственно справедливыми войнами, – это борьба за освобождение от рабства, от гнета капиталистов, и такие войны должны быть, так как иначе, как в борьбе, мы не достигнем освобождения».

В.И. Ленин (т. XXIII, стр. 190)

Люди

Сафар с опаской втиснул свое огромное тело в узкую дверь. Лицо его выражало страх: как бы неосторожным движением не разрушить легкий лагерьный барак. Капитан Косых мог по достоинству оценить эти старания, – он знал, какие великолепные мускулы скрыты под гимнастеркой Сафара.

Сафар – командир комсомольского экипажа. Трудно поверить, что этому серьезному, твердому командиру, здоровяку с мохнатыми бровями, всего двадцать два года. Всякий, кто знает, как он выводил на первое место в соединении свой комсомольский экипаж, исполнен уважения к этому молодому большевику. Суровый командир, терпеливый учитель, подчас заботливая нянька, – он умеет работать, отдыхать, веселиться, быть грозой и первейшим другом своим товарищам по экипажу. Горячий и темпераментный в быту, спокойный и выдержанный на работе, Сафар не терпит одного: попыток доказать, что в воздухе может быть что-либо более полезное, чем хороший скоростной бомбардировщик дальнего действия.

Увидев подмышкой у Сафара пачку клеенчатых тетрадей и папку, Косых понял, что он пришел разрешить какое-то сомнение. В эти тетради Сафар терпеливо вписывал все, что заслуживало, с его точки зрения, обсуждения и продумывания: и непослушное алгебраическое уравнение, и спорный тезис доклада.

Действительно, Сафар сразу же заговорил громко и взволнованно:

– Ха, понимаешь, Сандро, – «бомбардировщик беззащитен»! Бомбардировщик – «верная жертва истребителя»! Как голубка в когтях коршуна! Ты понимаешь?

– Ничего не понимаю.

– Вчера на диспуте полковник Чернов читал отходную бомбардировщикам. Закопал, понимаешь!

– Жаль, что я поздно из города приехал.

– Ты бы ему холку расчесал.

– Не задумался бы.

– Таких, как Чернов, на месте опровергать надо. Его теориейки деморализуют молодежь: все равно, мол, уничтожат в первом же бою.

Сафар волновался не на шутку.

– Я достал стенограмму доклада. Гляди, до чего он договорился: «Помимо органического маневренно-скоростного превосходства, истребитель обладает и огненным преимуществом перед бомбардировщиком. Для ближних дистанций боя более эффективным будет огонь пулеметов, благодаря их скорострельности. А для дальней стрельбы нужна пушка. Трудно себе представить, чтобы бомбардировщик мог нести оба этих вида вооружения во всех огневых точках. Выбор позиции и наиболее выгодного оружия для каждого данного момента боя находится в руках истребителя. Все это дает возможность утверждать, что бомбардировщик в воздушном бою обречен в жертву истребителю». Вот как: обречен! – сукин сын...

В силу своей экспансивности Сафар уже начал терять равновесие. Косых сказал:

– Не горячись... А ну, прикинем... Я думаю, что современные скорости полета дали скоростному бомбардировщику известное преимущество перед истребителем. Ведь бомбардировщик не собирается нападать на истребителя. Атаковать хочет истребитель, значит, и маневрировать должен он. Пусть истребитель на встречном курсе атакует бомбардировщика. И пусть бомбардировщик при этом изменит свой курс хотя бы на десять градусов. Истребитель сразу потеряет возможность воспользоваться прежней наводкой. При суммарной скорости встречного движения примерно в триста тридцать метров в секунду истребитель проскочит мимо бомбардировщика, не успев сделать ни одного выстрела. Он окажется далеко за ним и под ним. Он должен будет нагонять, прежде чем начать новую атаку.

Сафар поднял на приятеля горящие глаза:

– Чудно, Сандро. Будто я всего этого не знаю? А вот не сумел доказать... Но я научусь, обязательно научусь.

– Относись к спору спокойней, и возражения пойдут, найдешь их...

– Это верно, Сандро. Но не привык я к таким спокойным спорам. Если споришь, то... – Сафар тряхнул кулаком. – Ладно, научусь. Но это еще не все. Слушай дальше.

Сафар читал стенограмму. Косматые брови его сердито сходились, когда слова Чернова казались ему чересчур убедительными. С радостью слушал он неторопливые, логически неопровержимые возражения капитана Косых. Влюбленный в свой бомбардировщик, Сафар не был его слепым поклонником. Меньше всего он собирался отрицать высокую полезность истребителя. Но его возмущала академическая узость Чернова, такая чуждая взглядам, господствующим в советских военно-воздушных частях, где все основано на тесном взаимодействии всех видов авиации и полном понимании специфических задач каждого из них в общей конечной задаче: уничтожении врага.

Беседа шла хорошо. Разобрали все: факторы скорости, скороподъемности, потолка, радиуса действия. Установка Чернова на огневое преобладание истребителя вызвала отповедь Косых. По его мнению, Чернов смешивал понятия числа огневых точек и конечной огневой мощи истребителя. Между тем это не одно и то же. Чем больше пулеметов или пушек в машине, тем меньше зарядов можно дать каждой огневой единице. Истребитель нельзя перегружать. Давая в руки летчика-истребителя, если можно так выразиться, «много стволов», действительно делают его огонь в единицу времени очень мощным, но зато сокращают время, на протяжении которого он может стрелять.

Скорость теряет свое явное превосходство. Перед летчиком-истребителем возникает целый ряд трудностей. На первый взгляд может показаться, что истребитель значительно лучше вооружен, чем во времена мировой войны. А так ли это? Пусть скорострельность пулеметов возросла с шестисот до тысячи двухсот и даже полутора тысяч выстрелов в минуту. Но ведь в те времена, подходя к атакуемому самолету со скоростью в двести – двести пятьдесят километров в час и начиная огонь с трехсот метров, летчик мог вести его до дистанции в сорок – пятьдесят метров, а отдельные смельчаки – «ассы» – подходили на пятнадцать – двадцать метров, не боясь столкновения. За это время они успевали выпустить из каждого пулемета полсотни патронов. У них было на это четыре-пять секунд. А теперь? Сблизившись на четыреста – пятьсот метров, то есть на мало-мальски благоприятную дистанцию огня, нужно выходить из атаки, иначе можно столкнуться с атакуемым противником. На пролет расстояния между шестью и четырьмястами метрами у летчика-истребителя всего секунда. Пулемет едва начал работать, как нужно уже отпускать гашетку. Вылететь из ствола успело каких-нибудь двадцать пуль. И это при вдвое возросшей скорострельности!

По мере того как говорил Косых, лицо Сафара светлело. Улыбаясь, он выложил еще один довод вчерашнего докладчика:

– Берегись, последняя «бомба» Чернова: истребитель всегда будет иметь преимущество по высоте перед всяким иным типом самолета. Превосходство его потолка оставляет за ним инициативу в выборе времени и позиции боя.

Чтобы окончательно разогнать сомнения впечатлительного друга, Косых сказал:

– И это тоже неверно: кривые в графике высотности боевых машин с годами не расходятся, а сходятся. Разница в потолках делается относительно меньшей. Во времена империалистической войны потолок бомбардировщика был на пятьдесят процентов меньше потолка истребителя, а сегодня эта разница составляет уже всего двадцать пять процентов. Как видишь, даже техническое преимущество истребителя делается с каждым днем все меньше. У нас любят говорить, будто боевая высота лимитируется мотором, но на самом деле задыхается не мотор, а человек. С плохим дыханием мотора, оказывается, легче бороться, чем с неспособностью человека работать на большой высоте.

– Это верно. Ведь совсем еще недавно, делая машину, которая лезла на четырнадцать тысяч метров, не давали себе труда подумать о том, чтобы летчику было в ней удобно работать. И не только у нас так было. Привезли как-то для ознакомления заграничный истребитель, я три раза в него влезть пробовал, так и не влез – дыра в кабине не пускает. Понимаешь?

– Ну это, братец, не критерий. Для тебя не дыра, а целый кратер нужно делать.

Сафар надулся, – Косых задел его больное место: размеры, вес, силу. К счастью, в этот момент постучали в дверь, и раздался голос:

– Косуля, не спишь? Новости...

Вошел майор Гроза.

– Новости, братцы, отменные новости! Германская печать снова обещает мир всему миру. Как вам нравится?

Сафар мрачно пробормотал:

– Это значит – спи одетый.

– Ты очень кстати, – сказал Косых Грозе. – Тут у нас дискуссия... Как истребитель, ты лучше других можешь разрешить сомнения Сафара.

– Сафар... и сомнения? – рассмеялся Гроза. – Редкое зрелище!

– Доводы Чернова, будто вы, истребители, стали теперь безраздельными владыками воздуха, испортили ему настроение.

Гроза улыбнулся:

– А я малость подслушал спор. Право, бубнят, как два буржуазных профессора: техника да техника; машина, оружие, скорость... А человека забыли?

Сафар несколько смутился:

– Ты не понимаешь, Гроза, мы же это для академической чистоты дискуссии...

– Академическая чистота!.. Схоластика, а не чистота. У нас теперь и дети знают, как техника работает в руках настоящих людей. Разве в Испании республиканцы били немцев и итальянцев техникой? Люди били. Люди золотые...

– Республиканцев пять, а фашистов двадцать пять. Бывало и так. Но у них каждый за себя, а у испанцев один за всех и все за одного.

– Верно. Но давайте кончать ваш спор.

– А мы же и не спорили. Это мы вместе вредные тезисы Чернова гробили. Слушай, истребитель, а ты на какой позиции, как насчет бомбардировщиков?

– Скажу... Как мне рисуется правильное развитие бомбардировочной авиации?..

– А ну, валяй, валяй, – оживился Сафар.

По мнению Грозы, важно было уменьшить «ножницы» в полетных свойствах бомбардировщиков и истребителей за счет улучшения первых. Чем меньше разница в этих свойствах, тем больше у бомбардировщика шансов на спасение, а может быть, и на победу. Это значит, что бомбардировщик должен быть возможно более легким. Два легких бомбардировщика могут в

сумме поднять столько же бомб, сколько несет при дальнем рейде тяжелый корабль. Они без труда преодолеют расстояние, отделяющее их от цели. Но при этом неоспоримо преимущество легких бомбардировщиков перед большим кораблем. Освободившись от груза бомб, да еще и от половины веса горючего, бомбардировщик превратится в боеспособный сверхистребитель. Тут уж он не только может защищаться, но и активно нападать.

– Для этого прежде всего нужен меньший собственный вес. На наших красавцах это достигнуто применением сверхлегких сплавов магния и бериллия в комбинации с высоколегированными сталями – раз; установкой паротурбинных двигателей – два... Ты понимаешь, когда я еще амбалом был, – задумчиво и даже как-то мечтательно сказал Сафар, – кругом все говорили: «Пар – отжившее дело? Паровик – это прошлое. Внутреннее сгорание – вот где перспективы». Я тогда мало в таких вещах понимал, а потом, как учиться стал, опять то же самое слышу: паровая машина – это древность, бензиновый мотор и дизель куда, мол, лучше. А вот теперь, гляди-ка – старичок-паровичок опять пришел и мотору очко дает.

Гроза согласился:

– Мир еще варварски обращается с горючим. Моторы внутреннего сгорания, точно так же, как и наши паровые двигатели, это только отдаленный намек на то, чем будут пользоваться через десяток лет. Советская техника покажет пути... Вот мой младший братишка говорит, что инженеры должны будут поставить летчика в такие условия, чтобы полет со скоростью звука был физически возможен.

– Почему именно звука? – удивился Сафар.

– Однажды мальчуган говорит: «Военным самолетам совершенно необходимо летать со скоростью хотя бы триста тридцать три метра в секунду, не меньше». На мой вопрос, почему «триста тридцать три», говорит: «Скорость звука – триста тридцать два метра в секунду, значит, – самолет, летящий хотя бы на один метр быстрее, будет доходить до тебя раньше, чем ты услышишь звук его приближения. Это очень важно для военной машины».

– До таких скоростей, порядка тысячи – тысячи двести километров, пожалуй, еще далеко.

– Ближе, чем мы думаем. В единичных машинах мы уже имеем скорость около девяти-сот километров. А это уж не так далеко от того, чтобы получить скорость звука на отрезке ближайших лет.

– Твоими устами да мед пить, – вставил Косых.

– А чем не мед на такой бы машине с фашистской сволочью подрасться...

– Будет драка, будешь и драться, – спокойно заметил Гроза.

Сафар сверкнул глазами:

– Жалко, не я распоряжаюсь историей, а то уж драка была бы. Без драки Европу не привести в порядок. Отдам жизнь для того, чтобы все встало на место. Я готов.

– Не кипятись, Сафар... Как раз закипятишься, пойдешь в воздух, тебя и гробанут.

– Ты думаешь, я ишак? Я и сам сумею гробануть... Это лучшее, что у меня есть, – жизнь! Ведь это не только я сам, но и все мое потомство, понимаешь? Будущее целого рода. Жить хочу, понимаешь, но готов умереть. И когда я это сказал, когда я так решил, мне жизнь уже не дорога. Тогда о ней перестаю думать.

– У нас на этот счет разные взгляды, – ответил Гроза. – Ты перестанешь думать о жизни, а я думаю. И я очень благодарен стране и ее вождям за то, что они о моей жизни тоже думают, берегут ее.

– С такими сухими мозгами, как у тебя, нельзя быть летчиком. Они у тебя сухие, совсем сухие, понимаешь?

– Ничего получается, – усмехнулся Гроза, потрогав орден. – Ты скажи, разве я не имею права жить уже потому, что защищаю самое необыкновенное, самое удивительное, самое прекрасное, что когда-либо знала история, – СССР. Мне хочется жить, уже от одной гордости можно пожелать бессмертия, а ты – умереть! Подумай о своем народе, какого сына родила твоя

земля – Кавказ! Разве сыны этой страны не имеют права на лучшую, самую прекрасную жизнь на земле, а?

Сафар хотел сказать свое, – горячее, из нутра, не нашел слов и, поспешно собрав тетрадки, ушел.

У него не хватило слов, не хватило умения ясно и логично изложить свои мысли. Они с Грозой едва не поссорились, хотя с разных концов подходили к одному и тому же: жизнь – лучшее, что у них есть, но и тот и другой, не колеблясь ни секунды, отдадут ее по первому зову родины.

Гроза тоже собрался было уходить, когда под окошком послышались тяжелые шаги.

Вернулся Сафар.

– Сандро, ты Канделаки знаешь?

Косых знал Канделаки, но хотелось спать, и, чтобы отделаться, он ответил:

– Нет.

– Жалко, Сандро. Канделаки – замечательный парень! Он тоже бывший амбал. Бакинец, понимаешь?

– Ты за этим и вернулся? Я спать хочу, Сафар.

– Какой ты сонливый, Сафо... А Канделаки мне, знаешь, что сказал?

– Иди спать, Сафар.

– Канделаки говорил: делай рекорд, Гиго. Рекорды нам нужны. Рекорды – значит люди рекордные, а рекордные люди, сам понимаешь, необходимы. Страна замечательная, рекорды должны быть тоже замечательные...

– И люди, ставящие рекорды, тоже должны быть замечательные? Например, летчик Сафар...

Сафар покачал головой.

– Эх, Сандро, Сандро, я от всей души, а ты...

Он распрямил свои широкие плечи:

– Значит, ты думаешь – я не могу быть рекордным человеком?

– Смотря по какой части, Сафар. Если по гирям, то, вероятно, можешь.

И сейчас же пожалел о сказанном. Сафар не понимал таких шуток. Лицо гиганта сделалось мрачным. Так он сердился: лицо каменное, а кулаки сжимаются, тяжелые, как кувалды.

– Тебе нужно учиться, Сафар, – примирительно сказал Косых.

Сафар молча отвернулся. Дружба не позволяла ему сказать Косых то, что хотелось.

– Я хочу сказать: учиться понимать шутки, Сафар.

– Не хочу понимать шутки, когда разговор серьезный. Я хочу, чтобы все рекорды были наши. Скорость наша – Канделаки, высота наша – Гроза, а я хочу дальность брать!

– Бери дальность, Сафар, это хорошо.

– Ты серьезно?

– Очень серьезно.

– Для этого учиться много надо. Ты меня понимаешь?

– Учись, Сафар.

Сафар улыбнулся просто и ясно.

– Это будет хорошо?

– Здорово будет, Сафар. Бери дальность и... и иди спать.

Но Сафар решительно уселся на подоконник:

– А! Не говори: спать. Я сегодня такой особенный.

– А я до того обыкновенный, что сейчас вот у тебя на глазах усну.

– Можешь для хорошего товарища немножечко потерпеть. Я тебе расскажу одну историю...

Стало совсем темно. Косых не слышал, что рассказывал Сафар, – задремал под его говор. Вдруг сквозь дрему почувствовал, что в лицо ударил луч яркого света. Косых вздрогнул: прямо на него глядели уставившиеся в окно автомобильные фары.

Раздался грудной девичий голос:

– Дома?

Олеся вошла с отцом – комдивом Богульным.

Косых и Богульный давно знали друг друга, еще с Гражданской войны. Олеся Богульная родилась в сибирской тайге, на заснеженном хуторе.

Сложение у девушки было отцовское: этакий маленький коваль в юбке – коренастая, крепко сшитая, с широкими плечами. А лицо точеное, с нежным румянцем.

Она крикнула с порога:

– Дядя сибиряк, тату по вас соскучился.

Богульный засмеялся:

– Душой кривишь, Оленок. Не верь ей, сибиряк: я, конечно, очень рад тебя видеть, но затащила меня сюда она. Умри, а поезжай к сибиряку, когда добрые люди спать ложатся.

Через несколько минут Олеся выглянула в окошко:

– Тату, ты ничего не имеешь: мы на твоей машине проедем в город?

– А я домой пешком?

– Я через час за тобой заеду.

Богульный махнул рукой. Олеся скрылась. С нею исчезли Сафар и Гроза.

Богульный сидел хмурый.

– Ты чем недоволен? – спросил Косых.

– За яким бисом ее ко мне принесло? – дернул плечом Богульный.

– Говори ясней, Тарас. Не мастер я загадки разгадывать.

– Ко мне в десант перевелась: врачом головного отряда. Ты знаешь. У меня их тысячи – хлопцев моих. Все как дети мне. За всех болею, но... тут не выдерживаю. Знаю: и парашюты надежные, и прыгать научились, и все такое, а вот... не могу привыкнуть. Как она на крыло выйдет, так у меня вот тут... нехорошо.

– Старость, Тарас.

Богульный, смеясь, провел ладонью по седеющей щетине головы.

– Ну, нет, брат, врешь. Тут, видно, другое. Уж не нервы ли?

– И у тебя завелись?

– Бис их знает... до сей поры не было, но, может быть, это самое и есть – нервы? С одной стороны, я, конечно, рад, дивчина на глазах. А с другой, ведь не все же ученья да тренировки, дойдет и до дела. Передовой отряд! Извольте со всеми своими санитарными пожитками на зонтиках.

– А сама она как на это смотрит?

– Горит.

– Значит, хорошо.

– Мне, знаешь, даже неловко. Раньше у нас с передовым отрядом лекпом да два санитары прыгали, а она бузила-бузила – в округ писала, добилась того, что под санчасть целый самолет отвели. Там у нее теперь все, что надо. Даже собаки санитарные с медикаментами – и те прыгают.

– И ничего?

– Собаки-то? Ничего. Да вот другие отряды недовольны: у них врачи тоже прыгать желают, тоже собак им давай, тоже целый самолет отводи. А командиры бунтуют: нам машины под бойцов нужны. Без врачей, мол, проживем!

– Может быть, и правы, а?

Богульный решительно стукнул ребром ладони по столу:

– Нет, не правы. Они психологии не учитывают. Дивчина права: боец должен знать, что о нем есть кому позаботиться в любых условиях.

Он оживился. Тема была ему слишком близка: он первый сформировал когда-то десантный парашютный отряд. Это было его родное, кровное дело.

Богульный задумчиво посмотрел в темное окно.

– Передо мною всегда стоит один и тот же вопрос, везде и всегда одна мысль: когда ударят? Ты же понимаешь, не то страшно, что ударят, – отобьем, а то, что на нервах играют.

– И все же лучше подождать, чем...

– Эх, милый, я-то разве не понимаю? Это же кровь, кровь народа, наша кровь. Жизни, много жизней с обеих сторон. Разве я не знаю?

– Война будет страшной. Огонь, сталь, химия, электричество...

На дороге послышалась сирена. Олеся крикнула из машины:

– Наговорились?

Богульный прищурился:

– Мы-то наговорились...

– И мы тоже. Домой едем?

– Я вот смотрю: кто тебя, такую прыгунью зонтичную, замуж возьмет?

Олеся потрянула головой:

– Берут – и даже одобряют.

– Замуж выйдешь, не до зонтиков будет. Будущий муженек-то, наверное...

– Будущий говорит, что если я хочу по-настоящему в десанте работать, то без затяжных не обойтись. Точности без этого не будет.

Богульный переглянулся с Косых.

– Не врешь? – бросил он дочери.

– Он говорит, что и вы все, если хотите бить наверняка, должны освоить затяжной, как утреннее умывание. Так, чтобы на последних пятистах парашют, а до того – затяжка. Пулей к земле, посадка в пяточок.

– Так... – мог только протянуть Богульный. – Но, между прочим, может быть, откроешь отцу, кто он, мой будущий зятек, – чи тот, чи этот? Не разберу я...

Олеся покраснела и громко засмеялась.

Косых погасил свет и долго смотрел вслед удалявшемуся автомобилю.

Обстановка

К тому времени, когда происходила описанная беседа, то есть к середине августа, атмосфера в Европе была еще более накалена, чем в августе прошлого года.

Каким страшным похмельем было тогда, год назад, для Франции заявление лорда Ферсимена о соглашении между Британией и Германией по вопросу о переделе колоний!

Пробным шаром к этой новой игре был в свое время захват германским морским десантом португальского Золотого Берега. После того как, с германской точки зрения, все обошлось благополучно и к германским островным базам Канарской группы прибавились новые военные порты в Африке, фюрер поставил вопрос ребром: британская Танганьика или французский Мадагаскар. Итальянский флот предпринял маневры у Балеар, мальтийский и гибралтарский отряды британской эскадры сошлись на линии Тулон – Бизерта. Для Франции все стало ясно. Она предпочла потерю Мадагаскара войне в одиночку. Но как только римский трактат был подписан, в тот же день и час, пользуясь присутствием в Риме французских дипломатов, господин Фианини, министр иностранных дел Италии, предложил «дружески» решить спор о Ницце и Савойе. Французские дипломаты пытались сделать вид, что никакого спора в сущности нет: Ницца есть Ницца, а Савойя есть Савойя, то и другое – владения Французской республики. Но немцы взяли на себя любезную миссию посредничества и объяснили французам, что они не правы: и Ницца, и Савойя суть, мол, территории исконно итальянские. Временная принадлежность их к Французской республике была-де явной ошибкой, каковую и следует незамедлительно исправить. Чтобы придать своему посредничеству авторитет, Германия, нарушив свою декабрьскую декларацию, передвинула на левый берег Рейна восемь корпусов. Итальянский флот продолжал маневры на африканских коммуникациях французов, британцы производили давление на Париж: «Уступайте, спасая мир»... Дела осложнялись. Германия, поощряемая уступками, поставила вопрос о лотарингской руде. Сначала издали, осторожно: «лотарингское железо – вопрос существования для Германии». Французские правые газеты пытались изобразить дело в радужном свете: немцы – они собираются усилить импорт лотарингского железа. Но немцы поставили точку над *i*: они не собираются импортировать то, что «принадлежит им по праву». Лотарингия была объявлена древней территорией Великогерманской империи. Исчерпывающие разъяснения не замедлили появиться в «Бергверксейтунг». «Фелькишер беобахтер» и «Ангрифф» не давали себе труда даже что-либо разъяснять. Они просто заявляли: Лотарингия должна стать германской. Любой ценой и в кратчайший срок.

С этими рассуждениями совпали размышления некоторых итальянских газет о том, что мы живем в эпоху великих поправок, вносимых в историю. Одной из тягчайших ошибок, когда-либо совершенных и подлежащих немедленному исправлению, является участие Франции в эксплуатации Суэцкого канала, поскольку Франция не имеет ни в Красном море, ни в Индийском океане таких больших интересов, как Италия. Клич был подхвачен всей итальянской печатью.

Франция обратилась опять к Лондону. Официоз кабинета в очередной передовой жевал мочало об исторических примерах плаваний, совершенных французскими моряками вокруг Африки и задолго до того, как Лессепс приступил к осуществлению своей идеи, которая по самому характеру своему может быть рассматриваема как идея британская, так как и т. д. и т. п.

Правительство Франции наконец поняло, что никогда оно не было так изолированно и одиноко. Французский премьер бил себя в грудь и пытался уверить палату в том, что он, в сущности, никогда не верил коварным сынам Альбиона и всегда в душе был приверженцем дружбы с Советским Союзом. В этой части парламентской речи премьера на левых скамьях раздался откровенный хохот и свистки.

Советский Союз заявил о постоянстве своей мирной политики. Московские газеты предостерегали мировую демократию от опасностей, таящихся в действиях фашизма. Во Франции демонстрация народных симпатий к Союзу Советов вылилась в мощное движение рабочих масс и трудовой интеллигенции против войны и фашизма. Пролетариат Англии в ряде городов вышел на улицы с лозунгами недоверия консервативному кабинету.

15 августа волна растерянности прокатилась по Европе. В ночь с 14-го на 15-е вся сеть автострад Германии была закрыта для частного движения. Лишь особо пронырливым корреспондентам иностранных газет удалось установить, что по автостоадам движутся непрерывные колонны автомобилей с войсками.

С утра 15-го были приостановлены все полеты иностранных и частных самолетов над территорией Третьей империи. В местах скрещения железных дорог с автостоадами шторы на окнах вагонов спускались охраной СА¹, не покидавшей поездов. Билеты продавались лишь до определенных пунктов. Выход из вагонов на промежуточных станциях был воспрещен. Двери вагонов держались на запоре.

Опытный глаз мог уловить причины этих строгостей: по железным дорогам двигались воинские составы. Узловые станции были забиты эшелонами.

Европейские политики боялись раскрыть смысл этих перевозок. Буржуазные правительства втайне надеялись, что события разыграются лишь на востоке Европы. Разве не об этом твердили все тайные договоры последних лет? Но действительность обманула ожидания. Осведомительная служба 2-го отдела французского генштаба доносила: «Армия Германии мобилизована. На границе Франции сосредотачиваются германские войска». Несколькими часами позже началось сосредоточение итальянских войск на франко-итальянской границе.

Общественное мнение Франции было возбуждено. Оно знало, что германские войска сосредоточены у границ, что средиземноморская эскадра англичан появилась на африканских линиях, германский флот покинул свои базы и крейсирует в Северном море. Наконец в полдень 16-го эскадра «неизвестной национальности» открыла огонь по двум французским пароходам, выходящим из устья Темзы. Огнем тяжелой артиллерии пароходы были пущены ко дну в течение трех с половиной минут. К вечеру того же числа аналогичный случай произошел в Сицилийском проливе, где погиб французский пароход с грузом хлопка.

Взрыв негодования охватил французское общество. Все его слои, все партии кроме фашистских требовали отпора обнаглевшим агрессорам. Правительство растерялось: оно было так же одиноко внутри страны, как на международной арене. Пытаясь снять с себя ответственность за грядущие грозные события, оно поручило своему послу в Москве сделать запрос советскому правительству об его намерениях в случае нападения Третьей империи на Францию. Все хорошо понимали, что, после демонстративного игнорирования французским правительством франко-советского пакта и почти откровенного отрицания взаимности обязательств, оно делало этот свой шаг не очень уверенно.

Взоры Европы обратились на Восток.

Радиоприемники ждали передач... Змеи-очереди вились у киосков. Сверстанные номера газет неподвижно лежали в машинах с квадратом пустого места посредине первой полосы: ждали известий из Москвы. Разносчики спали у ворот типографий.

В Париже царил необычная тишина. Без криков и песен двигались по улицам толпы демонстрантов. Под лозунгами Народного фронта стихийно объединились разъединенные провокациями реакции широкие круги французского общества. Коммунисты, социалисты, радикалы, левые католики – все были снова здесь. Впервые за три года чиновники шли рядом со штукатурами, и мелкие лавочники оказались в одной шеренге с металлистами. Колонны

¹ Штурмовые отряды нацистской партии.

сходились к площади Звезды и вливались в единый могучий поток народной воли, неудержимо катившийся по Елисейским полям.

Разительным отличием этой грандиозной демонстрации от сотен и тысяч прежних выступлений французских масс было молчание. Ни криков, ни песен – одни лишь сдержанные разговоры. Когда какой-нибудь энтузиаст или провокатор вскакивал на крышу автомобиля, пытаясь что-то выкрикнуть, толпа стаскивала их одинаково безжалостно.

Народ был начеку.

Громкоговорители до сих пор не передали ответа Москвы.

Народ не хотел пропустить ни единого слова в этом известии.

Радио упорно молчало. Зато по городу поползли слухи, колючие и липкие. Какие-то типы шныряли в толпе. Несколько провокаторов выловили. Шоферу-волонтеру пришлось отвезти их в институт Скорой помощи. Когда двигаться стало уже некуда, толпы застыли. Люди стояли на всех площадях, на улицах и бульварах. Перед дворцом президента, перед палатой депутатов, у монументальных зданий банков стояли пикеты Народного фронта.

Боялись провокаций. Полиции и гард-мобилям² нужен был только предлог, чтобы пустить в ход бронированные автомобили. Но город был недвижим и молчалив. Молчали опустевшие заводы, не гудели автомобили, брошенные шоферами. Застыли на площадях безмолвные автобусы. Даже в кафе на бульварах царила мертвая тишина. На спинках стульев белели брошенные фартуки гарсонов.

Париж молчал.

Правительство не решалось заговорить. Оно не хотело говорить правду, а лгать в такой тишине было страшно. С его согласия «боевые кресты» пустили своих шептунов:

«Москва не решится, она слаба... СССР покинул Францию. Франция одинока. Франция изолирована. Германия размоет нас одним ударом своего бронированного кулака. Надо уступить...»

Так прошел день. Необычайно длинный и тихий для Парижа день 16 августа.

Около полуночи загремели рупоры на зданиях редакций левых газет:

«Французы! Решение Кремля состоялось. Великий Советский Союз остался верен взятым на себя обязательствам. Он не покинет демократии в час фашистской агрессии. Народы Советского Союза еще раз протягивают руку французскому народу через головы всех предателей. Пожмем эту руку миллионами трудовых рук всех честных французов. Да здравствует великий Советский Союз! Да здравствует союз демократий всего мира!»

Молчать было невыносимо. Официальное коммюнике в сдержанной форме сообщило о «заверениях», полученных французским послом в Москве. По тону сообщения было видно, что это известие испугало буржуазных воротил больше, чем если бы им сообщили об оккупации Третьей империей половины Франции.

По улицам Парижа женщины несли увитые цветами портреты советских вождей. Короткое радио из Москвы сохраняло женщинам надежду на то, что полтора миллиона французских солдат, стоящих на линии Мажино, избегнут нависшего над ними кошмара. А если им придется драться, то это не будет безнадежным броском в кровавую мясорубку войны. Французы будут драться за независимость и свободу своей страны.

Этой августовской ночью в мертвенном свете прожекторов по улицам французских городов, громыхая сталью гусениц, ползли танки, шуршали шинами колонны машин. С платформ грузовиков хмуро глядели солдаты пехоты. И тут же по тротуарам двигались процессии с высоко поднятыми транспарантами: «Мы не хотим войны, но готовы воевать!», «Долой убийц-фашистов!», «Пора кончать с Гитлером!»

² Особый корпус охраны.

На площадях Парижа стояли грозные толпы. Через два часа после первого известия пришло другое: «Посол Германии в Париже граф Фейербах опубликовал заявление: “Европа проявляет слишком большую нервозность. Нет причин сомневаться в том, что мир будет сохранен, если другие страны проявят необходимую выдержку”. Казалось, Берлин дрогнул, задумался... В экстренном выпуске «Ордр», помеченном 0 ч. 30 м. 17 августа, обозреватель писал:

«...Мечущейся Европе трудно поверить тому, что есть шансы на мир. Нас хотят уверить, будто нужно лишь сохранить немного спокойствия. Мы понимаем, чего не договорил граф Фейербах: “Спокойствие, спокойствие! Необходима операция. Не бойтесь нашего ножа, и вы выздоровеете”. Господин Фейербах, позвольте сказать с полной откровенностью: в ваших руках ланцет хирурга слишком похож на нож мясника. Это не нравится Европе при всей ее привычке к кровопусканиям...»

А Журье в «Пти Паризьен» твердил:

«Каков бы ни был истинный смысл заверений господина Фейербаха, они даны. Даны от лица фюрера и правительства Третьей империи. Мы верим: империя первая не нарушит границ!»

Правые газеты выуживали самые страшные, кровавые примеры прошлых войн. «Тан» опубликовал обзор, содержащий угрожающие данные:

«Поверим на одну минуту правительствам великих европейских держав, будто в строю их воздушных флотов на сегодняшний день состоит всего лишь 9500 бомбардировщиков со средней грузоподъемностью всего в 1200 килограммов каждый. Простая арифметика скажет нам: 11,5 миллионов килограммов взрывчатых веществ может обрушиться на головы мирных европейцев в первый же день надвигающейся на нас генеральной свалки. А если мы возьмем более реальную цифру, если мы удвоим число бомбардировщиков?..

Может быть, вы, мои любезные соотечественники, мирные граждане, господа чиновники, рантье, банкиры, консьержки, лавочники, инвалиды, лицеисты, сенаторы, члены палат, чемпионы бокса и танцев, может быть, все вы, имеющие в кармане свидетельство о непричастности к призыву, вообразите, что вас это не касается? Неправда, господа: вас это касается. Вам, в первую очередь, вам, предназначается все, что может поднять современный самолет-бомбардировщик и донести на глубину тысячи, а то и двух тысяч километров за линию так называемого фронта.

Современная борьба, – это твердили в Берлине годами, – не признает никаких ограничений со стороны договоров и параграфов, как не признает и никаких моральных указаний. И если даже теперь, после страшных переживаний последней войны, нации украшают себя знаком благородной гуманности, то надвигающаяся война превратит все это в рваный клочок бумаги...»

Вместо того чтобы действовать, кликушествовали лондонские пацифисты. Достопочтенный мистер Томас Джесс опубликовал табличку:

«ИТОГИ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:

Убитые (зарегистрированные) – 9.998.771 чел.

Тяжело раненные – 6.295.512

Легко – 14.002.039

Пропавшие без вести

(в том числе разорванные снарядами)

и пленные – 5.973.600

Возникшая в результате войны эпидемия
инфлюэнцы унесла в 1918 г. – 10.000.000

Итого сорок шесть миллионов человеческих жертв! Военные авторитеты современности оценивают эффективность оружия в будущей войне втрое против оружия эпохи войны 1914–

1918 гг., – иными словами, в результате предстоящей войны мы будем иметь примерно полтора миллиона жертв. Чтобы покрыть такой расход человеческой крови, понадобилось бы уничтожить целиком, до последнего младенца, три таких страны, как Франция...»

В ответ народная печать громила паникеров:

«Советский Союз, окруженный с 1917 по 1922 год коалицией 14 держав, вынес освободительную войну, возродил национальные силы и опередил капиталистический мир. Пример СССР опрокидывает “статистику” Джесса. Надо понять, что войны бывают разные... Война против фашизма будет священной войной...»

Правые газеты, срывая дело национальной обороны, дали заметку, лаконизм которой был страшнее цитат господ журналистов:

«Нам сообщают, что начальник генерального штаба и командующий армией посетили президента республики и доложили ему, что Франция не готова к войне. Боевая мощь Красной армии также считается недостаточной для того, чтобы оттянуть на себя серьезные силы немцев. Даже если положиться на маловероятный нейтралитет Британии, Франции придется в одиночку биться с соединенными силами германо-итальянцев...»

Правительство не опровергло этого измышления. Поднявшийся шум был необходим премьеру, чтобы оттянуть огласку переговоров, уже начатых между Ке д’Орсей и Берлином.

Но... на рассвете 18-го сообщение об этом набиралось жирным шрифтом в типографии «Юманите». Через два часа рабочий Париж должен был узнать предательскую новость. Однако, когда полоса была спущена в машину, типографию заняла полиция. Набор был рассыпан.

А между восемью и девятью утра над городом показалась группа стареньких «кодронов» единственного рабочего аэроклуба Франции в Бийянкюре. Машины шли низко, они едва не цеплялись за крыши домов. С улиц было видно, до чего потрепаны аэропланы. Долетев до Лувра, самолеты разошлись звездой. На головы толпы посыпались белые хлопья листовок.

«Французы, вас хотят запугать, чтобы еще раз предать Францию. Готовится сделка с фашистской Германией – более позорная и страшная, чем когда-либо. Народ, стань на защиту своих прав. Помни, что с тобой великий Советский Союз...»

Далее следовал текст сообщения, которое должно было появиться на первой странице «Юманите».

И снова тишина охватила Париж. Было слышно, как гудят в воздухе старенькие «кодроны» рабочего аэроклуба. Это была тишина перед страшной грозой.

17 ч. 00 м. 18/VIII

Гроза, майор Павел Романович Гроза выскочил из-под душа, крепко растерся мохнатым полотенцем. Полотенце было особенное, жесткое, как терка. После него кожа горела, тело делалось свежим и молодым. Это утреннее ощущение, давно став привычным, каждый раз было приятно новым. С тех пор как Гроза занялся высотной тренировкой и придерживался специального режима в распорядке своего дня, он по-новому чувствовал себя, особенно полно ощущал свое тело.

Первое время было трудновато выдерживать строгое расписание. Но потом оказалось, что всякую работу, отдых, сон, питание – все можно точно уложить в часы и минуты. Для начала нужно было вставить с таким расчетом, чтобы, с одной стороны, успеть все сделать, с другой – к полетам не утомиться. Много пришлось поработать над организацией питания. Плотный утренний завтрак давал себя знать в полете болью в желудке. Гроза пробовал вовсе не есть – еще хуже: на большой высоте голод усиливался до рези. Наконец Гроза нашел верную

порцию. Желудок стал вести себя отлично, и сам Гроза был в полете спокоен. Часа в четыре организм снова напоминал о еде. К пяти Гроза садился за стол.

Вино Гроза изгнал. Оно было не только лишним, но прямо вредным. Летчик проверил это на себе: как-то с вечера выпил бутылку вина. Наутро пошел в барокамеру. На «высоте» ему стало не по себе. Нет, нет, – долой вино.

Он строжайше выдерживал режим. И вот удивительно: то, что теоретически казалось очень трудным, вести размеренную, нормальную жизнь, на деле выходило не только просто, но даже приятно. Гроза начал высотную работу еще до того, как на вооружение поступили нынешние машины. Приходилось драться за каждый лишний метр высоты. Теоретическим потолком истребителей были тогда двенадцать тысяч метров, а на деле никто больше одиннадцати с половиной не выжимал. Но Гроза был уверен, что можно взять больше. Чтобы добиться своего, он хотел было сделать кое-какие переделки в своем самолете, но начальство восстало: машина строевая и проделывать над нею опыты не полагается. Дали вместо нее Грозе сверхштатный истребитель, числившийся в части тренировочным. С этой машиной Грозе позволили проделывать что угодно. Мало-помалу он ободрал машину так, что, если бы в нее кто-нибудь заглянул, не узнал бы. Начал с большого, а дошел до деталей в двадцать – тридцать граммов. Оказалось, что без большей части предметов, которые снимал Гроза, можно отлично обходиться. Казалось бы, педали, – как без них летать? А Гроза – и те вытащил. Ручку управления наполовину отпилил. Как будто даже удобнее стала. Гроза не раз удивлялся, проделывая эти опыты: почему раньше никто такими мелочами не занялся?

Так, постепенно облегчая машину, Гроза довел ее до того, что без малого один скелет остался. Зато она лезла уже на тринадцать тысяч, то есть выше расчетного теоретического потолка. Но Грозе этого было мало. Он хорошо помнил завет: «летать выше всех». Итальянцы забрались уже на четырнадцать тысяч, за ними лезли французы. Летать выше всех! Это стало жизненной целью, смыслом существования Грозы.

Но как ни дорог был Грозе каждый грамм свободного веса, опыт отучил его от экономии в одежде. Ведь Гроза поставил себе задачу достичь пятнадцати тысяч метров! Это значило, что следует приготовиться к температурам в 55–60 градусов ниже нуля.

Чем выше забирался Гроза, тем больше вставало перед ним трудностей. Скоро стало ясно, что тепло одеваться и обеспечить себе постоянный приток кислорода еще недостаточно. Следующей стадией освоения высоты, которую пришлось пройти Грозе, были полеты в скафандре...

Но все это было в прошлом. Давно уже Гроза достиг пятнадцати с половиной тысяч метров. Итальянцы и побившие их французы оказались за флагом. Почти полгода держателем международного рекорда оставался майор Гроза, пока один англичанин не набрал лишних триста метров.

Изо дня в день работал теперь Гроза над подготовкой к побитию рекорда англичанина. Каждый десяток метров давался с большим трудом. Хотя в распоряжении Грозы был уже не старенький заштатный истребитель, а новый, несравненно более совершенный самолет, летчику приходилось пускаться на всякие выдумки, чтобы и тут сэкономить несколько граммов на конструкции, на оборудовании, топливе, масле. Он дошел до того, что перемонтировал даже мотор. Казалось бы, эта часть оборудования продумана в каждой детали, в ней рассчитан всякий болтик. Но и тут находились какие-то забытые мелочи, которые удавалось удалять, менять. Это давало иной раз всего сто, а то и десять граммов экономии. Гроза за все хватался с жадностью.

Наконец высота пятнадцать тысяч восьмьсот метров, мировой рекорд англичанина, была достигнута. Перед переходом к следующему шагу Гроза методически, терпеливо, день за днем закреплял эту ступень, проверяя машину, оборудование и самого себя. Сегодня, 18 августа, на

празднике авиации он должен в присутствии нескольких десятков тысяч людей стартовать в новый высотный полет на побитие мирового рекорда.

Гроза был спокоен. Он непоколебимо верил, что поставленная перед ним задача будет выполнена. При этом он был очень далек от азарта и жадности рекордсменства. Он смотрел на это дело, как на нужную, повседневную работу летчика-истребителя, для которого освоение высоты так же необходимо, как овладение скоростью или высший пилотаж. Он был только одним из передовых разведчиков на этом важнейшем фронте; тем, кто должен вместе с несколькими пионерами-высотниками освоить пути в верхние слои атмосферы, освоить их так, чтобы по его следам туда уверенно устремились целые патрули, эскадрильи, части.

По вниманию, которое уделяло его работе руководство, по заботе, окружавшей его самого, Гроза мог судить о важности задачи. Оставаясь рядовым летчиком-истребителем, он знал цену себе и своему делу. Он был доволен настоящим и спокойно смотрел в будущее, уверенный в своих силах...

Гроза размешивал ложечкой остатки осевшего какао, когда в прихожей послышалось царапанье. Подошел к двери и открыл ее. Взгрозоздившись на игрушечный стулик, раскрасневшаяся девочка пыталась дотянуться до звонка. Девочка была пухленькая, как розовая булочка. Гроза подхватил ее на руки:

- Галочка! Что ты здесь делаешь?
- Во сколько часов ты поедешь на полет?
- Через полчаса.
- Ну вот, я так и знала. А мама спит и спит.
- Сегодня выходной.
- Папа давно уехал. Он сказал, что ты нас повезешь к аэродрому.
- Тогда буди маму.

Галочка, забыв свой стулик на площадке, побежала к соседней двери. Там жил полковник Старун – командир разведывательной части. Галочка – его дочь.

В лице Галочки педантичный и не слишком общительный Гроза имел страстную поклонницу. Девочка не хуже взрослых знала все, что касалось его успехов. Она почти каждый день, прежде чем лечь спать, являлась к нему с матерью своей Катериной Ивановной узнать, как прошел день.

Через полчаса, выйдя на лестницу, Гроза увидел, что Галочка терпеливо стоит в дверях. Увидев приятеля, она закричала:

- Мама! Мамочка, поехали!

Несмотря на ранний час, город был праздничным. Грозе то и дело приходилось останавливаться на перекрестках, чтобы пропустить колонны, движущиеся к аэродрому.

Прошли осоавиахимовцы, ворошиловские стрелки. Нескончаемой полосой бело-красных маевок потянулись спортсмены. За ними девушки в голубых комбинезонах парашютисток. На плечах парашютистки пронесли загорелую товарку с лозунгом в руке: «Прыгайте, девушки!»

Уже на самой окраине, перед выездом из города, Гроза обогнал колонну пионеров-моделлистов. Маленькие модели самолетов складывались в слова: «Летать выше всех! Дальше всех! Скорее всех!»

Зеркальный асфальт шоссе отбрасывал блики тысяч велосипедов и автомобилей. С песнями, с музыкой город тянулся к аэродрому.

Лето было в разгаре. По сини августовского неба бежали редкие разорванные облачка. Мягкое солнце ласкало мураву аэродрома. Многотысячная толпа, затаив дыхание, следила за полетами. Праздник удался. Над толпой висел несмолкаемый плеск рукоплесканий, как будто летчики, которым они предназначались, могли что-нибудь слышать сквозь рев своих моторов. Приветствия стали неистовыми, когда репродукторы возвестили, что стартует для высотного

полета летчик майор Гроза в первом ряду, у белоснежной цепочки милиционеров, сидя на крыше автомобиля, била в покрасневшие ладошки Галочка,

– Хлопайте, хлопайте же! – сердито кричала она соседям, опускавшим руки от усталости.

Только когда белый самолет Грозы исчез из глаз, она уgomонилась.

Скоро послышались разочарованные вопросы:

– И это все?

– А что же дальше? Где же высота?

– Значит, мы не увидим его на «потолке»?

А Гроза не замечал времени. Его внимание было приковано к приборам. Все шло отлично. Никаких новых ощущений он не ждал, все было испытано, переиспытано.

Земля давно уже превратилась в карту с потускневшими красками, подернутыми голубоватой дымкой. Редкие облачка блестели далеко внизу. Появлялось обычное ощущение кризиса земной поверхности. Представление о земле, как плоскости, исчезало каждый раз, когда Гроза переходил за предел двенадцати-тринадцати тысяч метров. На высоте около четырнадцати тысяч, когда подъем сделался уже медленным, Гроза почувствовал тупую, ноющую боль. Казалось, левую ногу втиснули в очень узкий сапог с непомерно длинным голенищем. Надевая меховой чулок, Гроза слишком сильно затянул ремешок. Он по собственному опыту знал, что всякая перетяжка, не заметная на земле, с высотой дает себя чувствовать очень сильно. Бывало, когда в высотный полет он ходил с очками, чуть-чуть тугая резинка на большой высоте сжимала голову железным обручем.

Гроза хотел нагнуться, чтобы подвинуть ремень под скафандром, но для этого нужно было сделать значительное усилие: ткань скафандра, наполнившегося кислородом, прилипла к тесному сиденью и сделалась железно-твердой. Напрягаясь, Гроза почувствовал головокружение. Решил оставить попытку, но тут же дала о себе знать нога. Нужно было выбирать между нестерпимой болью и головокружением, которое при малейшей неосторожности могло перейти в обморок. Это означало бы срыв полета. Приходилось помириться с болью. Но с каждой секундой она усиливалась. Грозе казалось, что нога раздулась до размеров бревна, – вот-вот лопнет кожа.

Стрелке альтиметра оставалось пройти еще сто метров до «английского потолка», когда Гроза почувствовал, что его силы в борьбе с болью истощаются. Нога горела. Пламя растекалось по бедру, поднимаясь все выше.

Стрелка альтиметра поднималась отвратительно медленно. Она едва-едва переползла 16.200 и нехотя двигалась дальше, через белые черточки делений. Казалось, она отсчитывает не десятки метров высоты, а огненной чертой отмечает все дальше и дальше проникающую боль. Если бы крик не требовал затраты энергии, Гроза искал бы в нем облегчения. Но и кричать было опасно, – силы нужны для управления самолетом.

Машина, видимо, подходила к потолку. Все менее уверенным становился полет. Малейшее движение рулем, самое осторожное, едва заметное, заставляло самолет проваливаться. Обе ступени нагнетателя едва поддерживали работу мотора на терпимом уровне.

Гроза почти обрадовался, когда наконец почувствовал хорошо знакомые симптомы потолка. Дальше машина не ползет. Стрелка альтиметра, вибрируя, замерла на показании 16.300. Гроза с облегчением перевел самолет в планирование...

Земля с нетерпением ждала его посадки. Сафар в качестве активиста аэроклуба выполнял обязанности глашатая. Он уже не раз поднимался на вышку, чтобы успокоить зрителей, волновавшихся за невидимого Грозу. Радиопередача транслировалась по всему СССР: миллионы людей ждали результатов полета. Сафар с удовольствием объяснял, как происходит высотный полет. Он чувствовал себя именинником, точно сам был виновником торжества.

Когда Сафар объявил, что видит самолет Грозы, приветствия восхищенных зрителей заглушили голос репродукторов. Приземлившись, Гроза не смог вылезти из машины. Нога онемела, на нее нельзя было ступить. Подхваченный под руки друзьями, он, помимо собственной воли, оказался на вышке перед микрофоном. Сафар крикнул в микрофон через голову Грозы:

– По предварительным данным, товарищ Гроза установил новый мировой рекорд высоты – 16.300 метров. Да здравствуют сталинские соколы!

Зрители радостно кричали «ура». Но все мгновенно стихло, когда Гроза заговорил.

– Товарищи!.. Сегодняшний полет – еще один урок нам, летчикам-высотникам. Я уже и счет потерял своим полетам, но, видимо, подлинная мудрость заложена в пословице: «Век живи, век учись». Кажется, не осталось уже ничего, чего бы я не знал о высотной работе, а вот еще немножко – и сегодняшней полет был бы сорван, из-за такого пустяка, как слишком туго затянутый ремешок. Правы те, кто говорит, что в нашем деле нет мелочей. Задача конструкторов – помочь нам выполнить завет нашего дорогого вождя и друга товарища Сталина: «Летать выше всех». В исполнении этого завета – залог победы советских истребителей над всеми, кто посмел бы посягнуть на нашу родину. У Хасана, да и в других местах, мы заставили врагов поверить в превосходство нашей техники и нашего летного искусства. Но если у них окажется короткая память и они снова сунутся к нам, мы докажем им, что прав был товарищ Ворошилов, говоря: «Вы испробовали еще только цветики, а ягодки-то впереди».

Мы с вами, товарищи, живем у самой границы, но это не пугает нас. Мы знаем: в тот же миг, когда фашисты посмеют нас тронуть, Красная армия перейдет границы вражеской страны. Наша война будет самой справедливой из всех войн, какие знает человечество. Большевики – не пацифисты. Мы – активные оборонцы. Наша оборона – наступление. Красная армия ни единого часа не останется на рубежах, она не станет топтаться на месте, а стальной лавиной ринется на территорию поджигателей войны. С того момента, как враг попытается нарушить наши границы, для нас перестанут существовать границы его страны. И первыми среди первых будут советские летчики! Слава создателю советской авиации – великому Сталину!..

Буря оваций потрясла воздух.

Гроза подхватил Галочку, вертевшуюся у его ног, и стал спускаться с трибуны, но прежде чем он достиг земли, внезапная тишина нависла над аэродромом. Гулко, ясно, так, что было слышно дыхание диктора, репродукторы разносили над толпой:

«...Всем, всем, всем! Сегодня, 18 августа, в семнадцать часов крупные соединения германской авиации перелетели советскую границу. Противник был встречен частями наших воздушных сил. После упорного боя самолеты противника повернули обратно, преследуемые нами...»

Народ затих.

Стал ясно слышен деловитый стук лебедек, сдававших два привязных аэростата с подвешенным к ним огромным транспарантом:

«Мы стоим за мир и отстаиваем дело мира. Но мы не боимся угроз и готовы ответить ударом на удар поджигателей войны».

Рев беснующегося океана был бы ничем в сравнении с могучим криком, поднявшимся над толпой. Негодование народа, призыв к борьбе, уверенность в своей силе были в этом крике.

Но даже этот шум был покрыт ревом мотора.

Над толпой несся истребитель. Он выделял замысловатые фигуры, развороты.

За ним тянулась струя дымного следа.

Самолет развернулся, взмыл выше. Рождаясь там, где он промчался, возникло гигантское слово: СТАЛИН.

Слово ширилось, росло. Оно пронеслось над затихшей толпой, величественно проплыло над городом и ушло в страну.

17 ч. 45 м. – 19 ч. 00 м. 18/VIII

1

Из записок фельдмайора Бунка

«...Я очень хорошо помню этот момент. Время приближалось к восемнадцати часам. К генералу явился с докладом начальник штаба. По красному вспотевшему лицу Рорбаха³ я видел, что что-то неладно. Но услышанное мною превзошло все ожидания: так хорошо задуманный и тщательно подготовленный удар не дал ожидаемых результатов. Я до сих пор не понимаю, как это могло произойти: большевики встретили нас почти у границы. Самый элементарный подсчет говорит, что на обнаружение наших частей в воздухе, передачу сообщений от передовых постов к аэродромам и подъем советских самолетов (даже если бы они находились в полной боевой готовности) большевикам нужно было не меньше восьми – двенадцати минут. За это время наши головные части могли бы уже углубиться на сорок пять – семьдесят километров в глубь вражеской территории. А в действительности мы были встречены истребительными частями охранения на глубине от двух до четырех километров. Значит, когда мы подходили к границе, они были уже в воздухе и ждали нас. Они знали о нашем вылете. Значит, нас предали. Иначе это объяснить нельзя. Какой-нибудь коротковолновик-любитель сделал свое черное дело⁴.

На этот раз мы не послали разведку, чтобы не обнаружить себя, и это погубило весь замысел. Ни одно крупное соединение бомбардировщиков, посланных для закупорки большевистских аэродромов, не достигло цели. Из восьмисот тысяч килограммов бомб половина была сброшена на пограничные колхозы; вторую половину, преследуемые большевиками, бомбардировщики сбрасывали, для облегчения себя, куда попало. С удивительной последовательностью эта картина повторилась на всех трех направлениях – северо-восточном, восточном и юго-восточном. Ни одной бреши. Так тщательно разработанный план был сломан в самом начале.

Я привык видеть Бурхарда⁵ во всяких состояниях, но даже не подозревал, что он может так быстро менять окраску лица. Лоб его покрылся испариной. Я сунулся было со стаканом воды, но Бурхард отшвырнул его.

По окончании доклада Рорбаха Бурхард, не оборачиваясь, крикнул:

– Приказ!

Я едва успевал стенографировать:

«Всем соединениям, входящим в первый эшелон второй волны, быть готовыми к вылету в 21 час сегодня, 18 августа. В воздух вывести девятьсот бомбардировочных машин со всеми сопровождающими частями...»

Бурхард на минуту задумался и решительно продолжал:

– Третьей сводной эскадре быть готовой к вылету в двадцать два часа...

Здесь его перебил Рорбах:

– Сроки готовности должны быть пересмотрены, противник может нас опередить. Мы уже убедились, что стахановские...

³ Генерал-майор фон Рорбах – начальник штаба Люфтваффе.

⁴ Догадка фельдмайора Бунк неверна. Налет немцев был отражен благодаря тому, что советские пограничные посты ВНОС (воздушное наблюдение, оповещение, связь) были снабжены усовершенствованными слуховыми приборами высокой чувствительности. Еще до того, как противник перелетел советскую границу, дежурные части ВВС узнали о приближении большого числа самолетов и немедленно поднялись со своих аэродромов. Имперцы обманулись во внезапности своего удара потому, что установление факта нападения и передачу тревоги к аэродромам наши погранчасти и радиослужба выполнили очень быстро. Таким образом, лишь благодаря высокой технике охранения и бдительности использовавших ее людей намерения врага были предупреждены.

⁵ Командующий германским воздушным флотом генерал-от-авиации Герман Бурхард.

Но Бурхард не стал слушать. Он бросил взгляд на часы:

– Я даю вам меньше трех часов, чтобы подготовить к вылету тысячу пятьсот тяжелых машин. Обогнать нас не могут. Это выше человеческих сил.

Рорбах заметил:

– Мы имеем дело с большевиками.

Бурхард сказал уже совсем неприязненно:

– У вас есть основания думать, что я ошибаюсь?

– Здравый рассудок, ваше превосходительство...

– Генерал, я прошу оснований. Понимаете, – оснований! Разведка дала что-нибудь новое?

– Воздушная разведка прилагает все усилия к выяснению обстановки, но несет напрасные жертвы. Проникнуть в расположение противника не удастся. Агентурная разведка работу почти прекратила.

Бурхард раздраженно перебил:

– Значит, ничего нового? Реальным остается только их план развертывания, лежащий перед нами? Тогда я все-таки предпочитаю ночь. Сравните сроки, и вы увидите, что они не успеют подняться в воздух, как будут стерты с лица земли, – упрямо повторил он и продолжал диктовать.

Рорбах стоял на своем: сроки вылета должны быть сокращены. Бурхард диктовал, не слушая его. Когда проект приказа был готов, Бурхард связался по прямому проводу со ставкой фюрера. Фюрер не подошел к аппарату. Бурхард доложил свой проект и возражения Рорбаха дежурному генерал-квартирмейстеру. Старик нервничал в течение тех пятнадцати минут, что длились размышления ставки.

Через четверть часа пришел ответ. Приказ утверждается с перенесением всех сроков на один час раньше. Это было некоторой уступкой авторитету Рорбаха, хотя и значительно меньшей, чем он хотел.

По плану внезапного нападения на Советский Союз общая задача германских воздушных сил сводилась к нанесению ошеломляющего удара на трех направлениях: Смоленском, Минском и Киевском. Операцию на севере, против Ленинграда, пришлось задержать вследствие неполной готовности флота. Операция на южном направлении (Одесса) была отложена из-за необходимости сосредоточения максимальных сил на главных фронтах. Ударным направлением, порученным особому вниманию воздушной армии, было юго-восточное. Главным объектом удара наземных войск был здесь Киев. К поддержанию этого броска «армии вторжения» генерала Шверера и сводились действия воздушных сил. Однако неудавшаяся внезапность налета обоих эшелонов первой волны смешала наши карты.

Теперь Бурхарду было предложено во что бы то ни стало парализовать действия советской авиации на Киевском направлении и сосредоточить все усилия бомбардировочной авиации на советских коммуникациях, чтобы задержать сосредоточение там наземных сил Красной армии. К этому в основном и сводились указания Бурхарда, данные Рорбаху.

В заключение Бурхард приказал:

– К полуночи вы разрабатываете точное задание по бомбардировке наиболее крупных населенных пунктов в пограничной зоне Ленинграда, Минска и Киева.

Начальник штаба еще раз нерешительно сказал:

– Сроки, сроки, ваше превосходительство! Я имею все основания думать, что...

Бурхард только пожал плечами и встал в знак того, что разговор окончен».

2

С трудом пробравшись на автомобиле к воротам аэроклуба, капитан Косых помчался прямо на главный аэродром эскадры. Там он застал уже Сафара и остальных летчиков. Соседние части готовились полным ходом. Шла боевая зарядка машин. Заливалось горючее, снаряжались пушки и пулеметы. Кислородные брикеты закладывались в крыльевые кассеты⁶.

Политработники под руководством комиссаров частей обходили машины. Они заглядывали в полетные аптечки – все ли на месте? Есть ли предписанные наставлением медикаменты и перевязочные средства? Заготовлены ли препараты против обмороживания? Они, не стесняясь, открывали личные чемоданчики летчиков, штурманов, радистов. Туда, где не хватало шоколада, они совали плитки «Кола». Незаполненные термосы отправлялись на кухню для заливки кипящим какао. Не отрывая людей от работы, они совали им в карманы лимоны, попутно, как бы невзначай, проверяя, надето ли теплое белье, не потерял ли кто-нибудь в спешке перчатки, исправны ли кислородные маски.

Женщины – жены командиров – работали в аэродромной столовой. Горячие завтраки упаковывались в термокоробки и отправлялись на машины по количеству людей.

Косых проверял подготовку своей части, когда ему вручили приказ: его часть входит в сводное соединение, получающее специальное задание. Ряд частей, расположенных в данном районе, поступает под команду начальника местного авиагарнизона Дорохова, назначаемого флагманом этой сводной эскадры. По его приказу частям предстояло в кратчайший срок произвести сосредоточение на указанных аэродромах. Десятью минутами позже Косых получил приказание сдать командование и немедленно прибыть в штаб эскадры. Он прикомандировывался к флагману.

Капитан Косых был рад этому назначению: перед ним пройдет вся операция, он будет в самом центре управления. Но было тяжело расставаться с частью. Особенно грустно покидать Сафара. Сумеет ли заместитель капитана направить его темперамент в нужную сторону?

Однако размышлять некогда. Косых торопился в штаб эскадры. Он на ходу попрощался с Сафаром. Тот, смущенно улыбаясь, попросил:

– Может быть, Сандро, в штабе увидишь кого-нибудь из десантников... передай привет...

Хотелось выскочить из машины и обнять этого крепкого детину. Но автомобиль взял с места. Сафар остался за дымкой пыли. Косых не расслышал его последних слов.

По дороге он подхватил Грозу. Тот тоже спешил на центральный аэродром. Его истребительная часть была выделена с особый резерв штаба армии. Искоса глядя на приятеля, Косых любовался его спокойствием.

Вылезая из автомобиля, Гроза деловито бросил:

– Если столкнешься с кем-нибудь из десантников, передай привет... Богульным.

Хотя голова капитана Косых и была занята совсем другим, все же мелькнула мысль: «Теперь я понимаю, почему Сафар так раздражается при виде Грозы. Но о ком же из них Олеся говорила вчера отцу?»

Дорохова капитан Косых застал уже в штабе перед собравшимися командирами.

Флагман вкратце обрисовал создавшуюся обстановку и общую задачу воздушных сил. После отражения первого воздушного нападения наша авиация должна стремительно вторгнуться в расположение врага. Необходимо максимально облегчить Красной армии переход в наступление и преодоление укрепленной линии противника. Бомбардировщикам предстояло держать под ударом железнодорожные и автомобильные магистрали для воспрепятствования переброскам противника. Развертывание советской авиации необходимо произвести с такой

⁶ Для питания кислородных дыхательных приборов на высоте.

стремительностью, чтобы ее контрудар был неожиданным для противника, несмотря на то, что он как нападающая сторона, несомненно, приготовился к нашим контрмерам. Этого можно достичь только за счет сокращения сроков вылета и сосредоточения. Возможно, что, при всей их секретности, сроки, предусмотренные нашими планами, известны противнику. Поэтому он при подготовке своего второго налета и в отражении наших действий будет ориентироваться на эти сроки с некоторым их упреждением. Иными словами, мы должны опередить самих себя в два-три раза.

– ...Поэтому, – сказал Дорохов, – я буду вам сейчас называть сроки значительно более короткие, нежели те, что предусмотрены боевым расписанием. Они могут показаться чересчур напряженными, но выполнить их мы должны. На нашу эскадру ложится частная, но очень важная задача... Дальние скоростные бомбардировщики должны быть использованы со всей возможной эффективностью. Удар нужно нанести по таким тылам врага, которые он считает неуязвимыми. Для этого:

В девятнадцать часов штурмовые части вылетают для атаки аэродромов истребителей противника, расположенных на пути следования моих главных сил.

В девятнадцать десять вылетают легкие бомбардировщики под охраной 86 и 87 истребительных частей. На них лежит уничтожение материальной части противника на аэродромах, атакованных штурмовиками. Одновременно вылетает разведка эскадры.

В девятнадцать двадцать вылетают главные силы эскадры в трех группах:

Первая колонна в составе двухсот сорока СБД⁷.

Вторая колонна в составе шестидесяти СБД.

Третья колонна в составе трехсот шестидесяти СБД.

Колонны следуют общим курсом на Варшаву. Цель – привлечь сюда внимание противника. Если германское командование и не приложит усилий к защите столицы своих подневольных «союзников», территорию которых они насильственно использовали как плацдарм для войны против СССР, мы только выиграем. Этим с первого же дня создадутся немалые трения в их рядах. Но на Варшаву мы не посягаем. Над деревней Сорокомля, между Демблиным и Радином, эскадра ложится на новый курс – к Берлину.

Произнеся эти слова, Дорохов заметил движение среди командиров.

Кое-кто радостно переглянулся.

– Варшава останется к северу от пути нашего следования. Вероятно, противник сосредоточит все силы на пути следования эскадры, – столицу Германии он даром не отдаст. Это эскадре и нужно. Прежде чем мы наткнемся на сопротивление непосредственной обороны центра, группы разделятся. Это произойдет над городом Плешень, вот здесь, северо-западной Калиша. Первая колонна будет продолжать полет к Берлину: ей придется принять на себя удар, приготовленный для всей эскадры.

Ее задача – отвлечь на себя силы противника. Чем дольше ей удастся создавать впечатление, что она является авангардом наших главных сил, движущихся к Берлину, тем лучше для эскадры, для нашей основной задачи.

Первая группа несет лишь небольшое количество мелких бомб для демонстрации. Весь тоннаж используется под огнеприпасы оборонительного вооружения.

Одновременно со своей основной задачей на всем пути совместного следования эта колонна несет крейсерское охранение главных сил.

Вторая и третья колонны над Плешенью меняют направление на юго-западное, – вот так. Это дает нам шанс некоторой скрытности маневра, хотя к тому времени, как мы подойдем к германской границе, нас, вероятно, откроют. Сопротивление будет отчаянное. Но чего бы это нам ни стоило, мы должны пробиться к району Фюрт – Нюрнберг.

⁷ Скоростной бомбардировщик дальнего действия.

На фотокроках «17-Н-Бис» вы видите этот район в крупном масштабе. На канале-перемычке, соединяющем Дунай и Майн, немцами заново создан гигантский военно-промышленный центр, питающийся энергией так называемой «централи фюрера», использующей воды обеих рек. Здесь один из основных котлов войны. Одна из главных баз материального питания германской армии: производство вооружений, бронемашин, самолетов. Ниже по Майну вы видите Бамберг, – здесь, под видом производства искусственного шелка и анилиновых красок, создан новый величайший в мире военно-химический комбинат: взрывчатые вещества и ОВ (отравляющие вещества). Наша задача – лишить германскую армию самого мощного из ее военно-промышленных узлов.

Дорохов говорил ясно и спокойно.

– Вторая колонна, – продолжал он, – в составе шестидесяти машин бомбардирует плотину водохранилища у «централи фюрера». Успешность бомбардировки обеспечит затопление всего района Фюрта и Бамберга. Триста шестьдесят машин третьей колонны бомбардируют главные военно-промышленные объекты Фюрта – Нюрнберга вот по этому плану. Особенно обращаю ваше внимание на этот план. Он обязателен для вас. Мы стремимся к тому, чтобы уничтожению подверглись лишь отмеченные на плане промышленные районы Нюрнберга. Не допускайте жертв среди гражданского населения. Оборонительная обстановка противника изложена в этой сводке. Непосредственную разведку мы должны обеспечить себе сами. Я не хочу идти на операцию с завязанными глазами, но открывать направление своего движения слишком ранней посылкой разведки тоже было бы вредно. Не мне вам говорить, что противник очень силен и подвижен. Необходимо учесть каждую мелочь.

Дорохов оглядел присутствующих. Командиры делали отметки на своих картах. Лица были сосредоточены. Комкор искал в них признаки волнения. Их не было. Спокойствие и уверенность. «Точно мы летим на маневры, – подумал Дорохов. – Ну, и народ!» Он наклонился к военкому сводной эскадры Волкову и прошептал:

– Ты не считаешь, что твое присутствие было бы полезно в первой колонне? Ей может прийти очень трудно. Нужна крепкая воля. Ничто не должно сбить колонну с пути.

Волков молча кивнул.

– Военком эскадры бригадкомиссар Волков следует с первой колонной, – сказал Дорохов и посмотрел на часы. – Товарищи командиры, до вылета разведки осталось... тридцать две минуты. Я назвал очень жесткие сроки. Части справятся?

– Странный вопрос, – пробормотал кто-то из командиров, но Дорохов сделал вид, что не слышит.

– Не сомневаюсь, товарищ комкор, – сказал командир разведывательной части полковник Старун. Он первым покинул совещание.

Один за другим уходили командиры.

Около Дорохова остался только бригадный комиссар Волков, один из самых молодых, но и наиболее способных комиссаров наших военно-воздушных сил. За выполнение некоторых заданий правительства он был награжден двумя орденами. Спокойный, рассудительный, умеющий сохранить хладнокровие в самых трудных обстоятельствах, человек железной воли и необыкновенного напора. Все знали о симпатии Дорохова к Волкову. Капитан Косых видел, что теперь, поставив своего друга в наиболее трудное место, командир эскадры хочет на лишнюю минуту задержать его. Закончив указания, Дорохов особенно тепло сказал Волкову:

– Тебе досталось жаркое дело.

– Ну что ты? – спокойно усмехнулся Волков. – У меня возни будет меньше. Я буду здесь раньше тебя.

– Прощай, – сказал Дорохов. – Передай командирам, что на этот раз больше чем когда-либо от каждого из них зависит осуществление ворошиловского завета, драться за победу малой кровью. Нужно выбить оружие из рук врага.

– Сделаем! – ответил Волков.

Средства

Воздушная обстановка на юго-восточном участке 18 августа была такова:

В 16 ч. 57 м. 18 августа пограничные посты ВНОС обнаружили приближение противника.

В 17 ч. первые германские самолеты перелетели границу СССР.

В 17 ч. 01 м. начался воздушный бой.

В 17 ч. 30 м. последний неприятельский самолет первой волны покинул пределы Союза.

В 17 ч. 34 м. советские истребители прорвали охранение противника и вошли в его расположение. Подавив авиацию ПВО, они провели в пределы противника соединения легких бомбардировщиков и штурмовиков, предназначенные для уничтожения аэродромов сосредоточения германской авиации юго-западного фронта.

В 18 ч. 20 м. после тщательной высотной разведки, донесшей свои наблюдения с расстояния свыше двухсот километров из тыла противника, вылетели первые соединения тяжелой советской авиации, предназначенные для бомбардирования транспортных магистралей и узлов прифронтовой полосы, занятой немецкими войсками, – Тарнополя, Львова, Ровно, Сарн и Ковеля.

К 19 часам, времени вылета первых штурмовых частей Дорохова, было уже получено радио о том, что железнодорожный узел Львова, забитый германскими воинскими составами, объят огнем от советских бомб. Одновременно пришли сообщения и о первых серьезных жертвах с нашей стороны: возвращение бомбардировочной группы, подвергшей бомбардировке Львов, было отрезано вражескими истребителями. Пробиваясь в свое расположение, группа понесла тяжелые потери.

Об обстановке на земле и действиях наземных частей Красной армии сведений в штабе эскадры пока не было. Конечной целью всех боевых операций воздушных сил было облегчение наземным войскам перехода границы, но судить о чем-либо за несколько часов, истекших со времени нападения немцев, было трудно. Скоротечность воздушных операций не определяла темпов действий на земле. Они развивались неизмеримо медленней. Но это вовсе не значило, что воздушные силы сами по себе, изолированно от армии, могут решить основные задачи навязанной Советскому Союзу войны. В этом очень хорошо отдавали себе отчет все командиры эскадры. Меньше всего они думали о том, что могут самостоятельно решить судьбу войны, как бы важны и успешны ни были их операции.

В 19 часов поднялись первые штурмовики эскадры Дорохова. Летя лощинами, долинами рек, прогалинами в лесах, иногда на высоте не более десяти – двенадцати метров, – штурмовики до последней минуты сохранили скрытность своего движения. Все внимание противовоздушной обороны противника сосредоточилось на легких бомбардировщиках, двигавшихся с десятиминутным интервалом за штурмовиками на высоте около шести тысяч метров. Когда легкие бомбардировщики только еще входили в зону действия зенитных батарей противника, аэродромы его истребительной авиации подверглись стремительной атаке штурмовиков. В то же время разведывательная часть дальнего рейда под командой полковника Старуна на большой высоте проникла в тыл противника, перелетев границу в районе Киликиев – Корец.

Армейская истребительная авиация противника, расположенная в этом районе, получила задание от командования по подготовке операции для своих бомбардировщиков, намеревавшихся лететь на советские железнодорожные узлы. Вылет немцев был назначен на сорок минут позже того времени, когда они были застигнуты на земле советскими штурмовиками.

Первые штурмовики, идущие на бреющем полете, оставаясь неуязвимыми для зенитной артиллерии, забросали аэродромы в Сусне и Погореловке фугасными бомбами замедленного действия. Взрыватели бомб устанавливались с таким расчетом, чтобы разрывы происходили в

сроки от минуты до часа и даже до двух. На все время действия этих бомб летное поле было недоступно для восстановления повреждений, произведенных разрывами.

Следующей очереди штурмовиков пришлось уже труднее. Пришедшие в себя аэродромные команды бросились к зенитным пулеметам. Штурмовиков встретили огнем. Они должны были пустить в ход дымовую завесу. Хотя завеса затрудняла их собственную работу по бомбежке аэродромов, но зато парализовала пулеметчиков на земле. Кроме того, устойчивые острова дыма создали очень хорошо видимую цель для идущих за штурмовиками легкобомбардировочных частей. Ангары противника подверглись бомбардировке зажигательными бомбами. Процент поражения был вполне удовлетворительным, несмотря на хорошую работу ПВО противника. Свыше пятидесяти процентов его новеньких двухпушечных истребителей были уничтожены на земле, прежде чем успели подняться в воздух.

Летный состав вражеских частей, подвергшихся атаке, проявил упорство. Офицеры бросались к машинам, невзирая на разрывы бомб и пулеметный огонь штурмовиков. Они вытаскивали самолеты из горящих ангаров. Истребители совершали разбег по изрытому воронками полю навстречу непроглядной стене дымовой завесы и непрерывным блескам разрывов. Многие тут же опрокидывались в воронках, другие подлетали, вскинутые разрывом бомб, и падали грудой горящих обломков. Сквозь муть дымовой завесы там и сям были видны пылающие истребители, пораженные зажигательными пулями. И все-таки некоторым офицерам удалось взлететь. С мужеством слепого отчаяния и злобы, не соблюдая уже никакого плана, вне строя, они вступали в одиночный бой с советскими самолетами. Но эта храбрость послужила лишь во вред их собственной обороне. Их разрозненные усилия не могли быть серьезным препятствием работе советских самолетов и только заставили прекратить огонь их же собственную зенитную артиллерию и пулеметы.

Через двадцать минут после появления первого штурмовика над зоной расположения истребительных аэродромов противника показались главные силы Дорохова. Эшелонирование наших сил было рассчитано таким образом, чтобы колонны Дорохова имели возможность пройти над аэродромами истребителей, прежде чем немцы успеют оправиться от удара, нанесенного нашей предварительной атакой. Даже если бы советской авиации не удалось, в буквальном смысле слова, закупорить немецкие аэродромы, в их работе должен был создаться интервал, позволяющий Дорохову миновать опасную зону.

Расчеты нашего командования оправдались. Несмотря на выдержку летчиков противника, готовых тотчас после окончания атаки идти в полет, наземная служба оказалась неспособной обеспечить им вылет. И прежде всего не могли быть так быстро введены в строй материальные резервы, чтобы восполнить убыль сгоревших и поврежденных самолетов. Летчикам попросту не на чем было подняться в воздух. Первые же часы боевой обстановки со всей реальностью выявили социальные недостатки неприятельской армии, прикрытые в мирное время жестокой дисциплиной. Не следует забывать, что вспомогательный технический персонал такого рода войск, как авиация, – механики, мотористы, оружейные мастера, радисты, электрики и десятки других, маленьких специалистов, на труде которых зиждется техническая готовность боевого самолета, – были солдаты. Солдатские кадры авиации пополнялись из рядов индустриальных рабочих, главным образом металлистов.

Если немецкие офицеры стремились поскорее подняться в воздух для борьбы с советскими самолетами, то у солдат на этот счет было свое мнение. Они проявляли значительно меньшее рвение. Пока грохотали на аэродроме бомбы с замедлителями, сброшенные советскими самолетами, солдаты предпочитали отсиживаться в убежищах. Работа на аэродромах шла более вяло, чем того требовали обстоятельства. Первые же разрывы советских бомб подтвердили со всей очевидностью тяжелый для германского командования недостаток технических войск. Слишком многое зависело от людей, обладающих умелыми и грубыми руками, слишком многое господ офицеры не умели делать сами. Если в пехоте солдат, попавший в

бой, под страхом наведенных на него с тыла пулеметов полевой жандармерии, волей-неволей должен идти вперед, стрелять, колоть и умирать за тех, кому он хотел бы всадить в живот свой штык, то здесь, в авиации, где нужны прежде всего умелые руки ремесленника и сметка мастера, пулеметом не поможешь. Увы, это было слишком ясно и самим офицерам, беспомощно метавшимся по аэродрому в поисках исправных самолетов. Таких самолетов были единицы. Они были бессильны помешать хотя бы одной эскадрилье дороховской эскадры следовать по своему пути.

К 20 часам замыкающие части Дорохова проследовали над зоной истребительной авиации противника. Растянувшись по фронту почти на десять километров, эшелонированные до пятнадцати километров в глубину, группы эскадры шли на высоте семи тысяч метров. Эта высота не была предельной для самолетов СБД, входивших в состав главных сил эскадры Дорохова. Конструкция их имела некоторые принципиальные отличия от схемы бомбардировщиков, установившейся к тому времени в воздушных силах Европы и Америки.

Главной отличительной чертой самолета СБД являлось применение на нем паротурбинной силовой установки.

К тому времени восемьдесят процентов всех авиационных средств мира были снабжены бензиновыми двигателями обычного четырехтактного цикла. Лишь четырнадцать процентов имели на борту нефтяные двигатели дизельного или полудизельного типа с зажиганием от свечи или самовоспламенением смеси. Из этих четырнадцати процентов одиннадцать принадлежали немцам и два американцам. В Третьей империи с наибольшим упорством проводились опыты создания авиационного дизеля. Нельзя сказать, чтобы только эта страна нуждалась в освобождении своего воздушного флота от «бензиновой зависимости». Почти в таком же положении была Франция, не имевшая своей нефти, Италия и другие страны. Но никто так не боролся за эмансипацию военных воздушных сил и за снабжение их двигателем, способным работать на грубых сортах топлива, как немцы. Эта борьба развивалась сначала по линии освоения тяжелых погонов нефти. Затем желудок мотора стал приспособляться к поглощению жидких синтетических топлив.

Настоятельная необходимость экономии горючего диктовалась катастрофическим, с военной точки зрения, положением Германии в отношении нефти. Германии нужно было во время войны иметь 18 миллионов тонн жидкого горючего в год. Ввоз нефти из Румынии был невелик. Сама Германия производила всего около 2 миллионов тонн жидкого топлива. Командование потребовало от химической промышленности покрытия дефицита производством бензина из каменного угля. Но для этого понадобилось бы истребить на перегонку 65 миллионов тонн антрацита, т. е. половину всего, что имела Германия в целом; 50 % угля пришлось бы изъять из хозяйственного оборота страны или восполнить иными видами топлива. Это было не под силу германскому хозяйству. Опыты добывания бензина из бурых углей показали, что их нужно для этого втрое больше, чем антрацита. Для добывания этого сырья пришлось бы спустить в шахты 500 тысяч новых углекопов, – 15 армейских корпусов! Этого Германия тоже не могла сделать. Пришлось идти по пути лихорадочного накапливания импортной нефти.

С другой стороны, велись усиленные работы по созданию взрывных двигателей, способных работать на беззольной каменноугольной пыли.

Процесс освобождения от бензинового мотора ко времени открытия военных действий был закончен в германской тяжелой авиации. Наиболее прозорливые типы самолетов – бомбардировщики – были переведены на синтетическое горючее, могущее поставляться химической промышленностью преимущественно за счет внутренних сырьевых ресурсов. Если считать верными данные германского командования о том, что к началу войны в рядах его бомбардировочной авиации находилось всего 2400 машин с суммарной мощностью моторов в 7 200 000 л. с., то каждый час полета бомбардировщиков отнимал бы из мобилизационных запасов империи 1440 тонн нефти. А так как средняя суточная работа бомбардировщиков в

первые дни этой войны достигла небывалой цифры в 9 часов, 800 цистерн нефти в сутки требовалось одним бомбардировщикам!

Благодаря переводу бомбардировщиков на топливо, не являющееся погонями нефти, запасы последней могли быть использованы для авиации истребительной, требовавшей суточного расхода в 5000 тонн.

По совершенно иной принципиальной линии развития силовой установки тяжелых самолетов пошли советские конструкторы. Группа молодых инженеров удачно использовала централизованную силовую установку на самолете большого тоннажа. Смелый переход на длинные валы передач сделал возможным отказ от установки многих моторов. Можно было перейти к одному двигателю большой мощности и передавать его энергию винтом, отнесенным на любое расстояние в крылья. Это имело значительные аэродинамические и тактические преимущества. Оставалось найти такой двигатель, который при небольшом удельном весе позволил бы сосредоточить высокую мощность и был бы достаточно компактным.

Выходом явилась паровая турбина. Отдача ее росла за счет повышения оборотов. Критическое число, лимитированное прочностью материалов с применением так называемых агатовых сталей, выросло необычайно. Возможность отдаления от турбины котла и конденсатора позволила разнести всю установку по самолету так, что его лоб⁸ определялся лишь габаритами человека и вооружения.

Кроме этих, если можно так выразиться, «аэродинамических» преимуществ турбины, она открыла перед самолетом и совершенно новые высотные перспективы: отпадала проблема поддержания в камере сгорания двигателя некоторого минимального давления, могущего сохранить ему расчетную мощность. Необходимость наддува и производящих его сложных, двух- и трехступенчатых нагнетателей отпадала. Двигатель перестал «задыхаться». Интенсивность генерации пара была сделана постоянной, не зависящей от высоты и скоростного режима полета.

Это принципиальное изменение в двигательном хозяйстве самолета позволило пересмотреть и его конструктивную схему.

Последним, очень важным преимуществом паровой установки являлась возможность использования в топке тяжелого нефтяного топлива повышенной теплотворной способности, достигаемой путем прибавления некоторых химических веществ.

О том, какое значение имело применение тяжелого топлива по сравнению с бензином, каким облегчением это являлось для нефтеперегонной промышленности, можно судить по тому, что трудоемкость нового топлива как продукта производства относится к трудоемкости прежнего авиационного бензина, как 1:3,5.

Боевое значение нового топлива заключалось еще в том, что опасность возгорания при попадании снаряда или пули в баки была сведена к минимуму. А пожар от удара при падении, столь обычное явление в «бензиновой» авиации, был почти исключен.

Самолет СБД благодаря удобному и компактному расположению силового агрегата и движителей⁹ приобретал повышенную боеспособность. Это обуславливалось, с одной стороны, тем, что каждая из огневых точек получила значительно больший обстрел, с другой – присутствием на борту СБД такого мощного источника энергии, как генератор пара. Все манипуляции по перемещению пулеметов и пушек были возложены на сервомоторы, получившие питание от центральной динамо. Благодаря этому все оборудование могло быть пересмотрено. Подверглось реконструкции и артиллерийское вооружение СБД. Калибр пулеметов был доведен до 14 миллиметров, носовая и хвостовая башни получили пушки 55-миллиметрового калибра.

⁸ Лоб самолета измеряется площадью его наибольшего поперечного сечения. Чем больше лоб, тем больше сопротивление воздуха (лобовое сопротивление).

⁹ Движителем называется приспособление, преобразующее энергию двигателя в движение. У паровоза движителем является ведущее колесо, у трактора – гусеница, у самолета – пропеллер.

Скорострельность пулеметов была доведена до двух тысяч выстрелов в минуту; пушки выбрасывали 700 снарядов в минуту.

Экономичность турбин позволила повысить дальность полета, доведя ее до трех с половиной тысяч километров при бомбовой нагрузке в тысячу двести пятьдесят килограммов.

Даже при этой нагрузке машина сохраняла очень высокую крейсерскую скорость на боевой высоте. При этом посадочная скорость не превышала сорока пяти километров. Это были первые машины в мировой практике с подобным диапазоном скоростей.

Расчетный потолок СБД был равен четырнадцати тысячам метров.

По сравнению с бомбардировщиками прежних типов СБД представляли машины стремительного, ударного действия. Рядом с прежними машинами они были большим шагом вперед. Этим шагом советская авиация была обязана коллективу молодых специалистов, смело сломавших изжившие себя технические традиции.

19 ч. 00 м. – 21 ч. 00 м. 18/VIII

Получив назначение к командиру эскадры для связи, капитан Косых рассчитывал иметь много свободного времени и проследить за ходом всей операции. Он не учел того, что впервые, в действительной боевой обстановке, шестьсот шестьдесят бомбардировщиков с приданными им шестьдесятю самолетами разведки, то есть в общем семьсот двадцать машин, – пойдут под командой одного человека в общий рейд. В разных точках, группах, колоннах этой эскадры могли возникнуть положения, требующие неоднократных перестроений, эволюции перемены курсов. Если флагман не будет знать обо всех этих изменениях, то в конце концов может получиться путаница, разобраться в которой будет невозможно.

Перед Косых была целая серия планшетов с нанесенными на них схемами соединений. В его распоряжение был предоставлен отвод от приемника флагманской радиостанции. Он должен был отцеживать из донесений то, что относится к изменению порядков и строев в колоннах, и немедленно передавать эти сведения в пост управления флагмана.

Эта обязанность, вопреки ожиданиям Косых, почти не оставляла ему времени на то, чтобы изредка воспользоваться имеющейся в полу оптической зрительной трубой, сильные линзы которой давали возможность видеть на земле ряд деталей, несмотря на высоту в семь тысяч метров.

Общий характер местности, над которой летели колонны эскадры, пока мало чем отличался от хорошо знакомого Косых украинского ландшафта. Но сильная оптика позволяла определить разницу в обстановке. После сплошных колхозных массивов бросалась в глаза мозаичная раздробленность полей. Желтые квадраты яровых беспорядочно перемешались с косыми, уродливыми клинышками распаханых озимей.

Большинство рабочих поселков в индустриальных районах представляли собой серые пятна убогих хибарок, беспорядочно облепивших площадки заводов.

Время от времени среди лоскутных крестьянских полей в объектив трубы входили более крупные пятна. Где-нибудь на опушке рощи или на холме у реки можно было различить белое пятнышко помещицкой усадьбы.

Сознание, что халупы нищих деревень и хибарки рабочих поселков набиты людьми, с жадностью и надеждой следящими за советскими самолетами, наполняло Косых чувством острого любопытства. Совершенно забывалось, что внизу имеются, вероятно, зенитные батареи, аэродромы, истребители. А когда эта мысль приходила на память, становилась странной, почти непонятной, легкость, с какой колонны вот уже целый час движутся над территорией Польши. После прорыва сквозь зону истребительной авиации им не оказывалось никакого сопротивления. Эскадра без боя проникла уже почти на триста километров в глубь чужой страны.

Несмотря на подозрительность подобной инертности противника, главные силы эскадры могли двигаться совершенно спокойно. Разведка шла впереди веером, выдвинутым на пятьдесят километров. Разведчики летели патрулями на высоте от семи до восьми с половиной тысяч метров. Они оставались почти невидимыми и неслышными. Еще несколько лет тому назад они были бы на такой высоте совершенно слепы и, следовательно, бесполезны. Но применение мощной оптики в соединении с автоматически работающими фотоаппаратами позволяло теперь вести самое действенное наблюдение пересекаемой местности. Постановка разведывательной работы в дальних рейдах была совершенно новой. По новому наставлению «разведки сопровождения дальнего рейда», на обязанности летчика-наблюдателя лежало, главным образом, наблюдение за окружающим воздушным пространством. При современных скоростях появление в воздухе истребителей или аэростатов заграждения могло быть обнаружено лишь при постоянном и внимательном наблюдении за воздухом. Та же большая скорость наряду с большой высотой полета делала визуальное наблюдение земли очень трудным. Человеческий глаз, даже вооруженный лучшей оптикой, уже не мог фиксировать предметы с точностью, какая требовалась разведчику, чтобы раскрыть местность.

Для наблюдения местности с большой высоты на большой скорости на борту советских самолетов-разведчиков имелся прибор, созданный соединенными усилиями советских радиотехников, оптиков и химиков. Это был сложный агрегат из фотосъемочного, лабораторного, демонстрационного и радиобильдаппаратов.

Интересной деталью этой установки было применение новых цветочувствительных эмульсий, очень чувствительных к природе фиксируемых красок. Искусственные краски (химические) действовали на эмульсию совершенно иначе, нежели естественные. Изображение получалось резко искаженным по цвету и сразу бросалось в глаза наблюдателю. Это давало возможность быстро обнаруживать всякого рода искусственные сооружения и маски.

Главным затруднением на пути конструкторов этого фотографического «наблюдателя» было преодоление времени в фотохимических процессах. Но они справились и с этим. Через восемьдесят две секунды после спуска затвора фотокамеры позитив уже проектировался на экран.

Выдвинутый вперед веер из нескольких десятков ВРД¹⁰ позволял главным силам эскадры двигаться совершенно уверенно, зная, что всякий сюрприз со стороны противника будет обнаружен разведкой.

Разведчики шли по три, придерживаясь максимальной высоты, какую допускала облачность. Циррусы¹¹ плыли разорванными клиньями: разведчики старались держаться немного ниже, чтобы облака не портили видимости.

Разведывательный веер вел полковник Старун. Он летел в замке своего передового патруля, непрерывно поддерживая радиосвязь с флагманской машиной. Старый, осторожный летчик, опытный и внимательный разведчик, он, не отрываясь, слушал эфир и был готов принять сообщение любого из двадцати патрулей своей части. То, что до сих пор, за час полета над расположением противника, ни один из самолетов не донес о чем-либо подозрительном, заставляло полковника беспокоиться.

Равнина сменилась пологими холмами, покрытыми мелким кустарником. Контрольная фотолента по-прежнему не показывала никаких признаков аэродромов, зенитной артиллерии, ни единого намека на искусственную маскировку. Старун знал, что до внешней зоны сопротивления ПВО Варшавы еще далеко, но он никогда не предполагал, что противник так хладнокровно подпустит к ней большевиков, не попытавшись даже сбить их с маршрута. Подобная

¹⁰ ВРД – обозначение высотного разведчика дальнего рейда (тип, состоявший на вооружении в части, которой командовал Старун).

¹¹ Перистые облака.

выдержка со стороны противника была неожиданной. Он хочет подпустить эскадру к самому узлу своего сопротивления? Тем хуже для него: большевики вовсе не собираются идти к польской столице и скоро лягут на новый курс. Тогда будет уже поздно привлекать к борьбе воздушные силы активной обороны польской столицы. Они не успеют даже вступить в соприкосновение с эскадрой Дорохова.

– Ну что ж, тем лучше, тем лучше для нас. Тем лучше... – запел он по старой привычке, зная, что никто не услышит его голоса, которого он так стыдился на земле. Здесь его не попрекнут плохим слухом.

– Тем хуже для... – завел он было новую руладу, но оборвал на полуслове: головной самолет идущего впереди патруля вдруг стремительно повернулся вокруг вертикальной оси.

Прежде чем Старун успел проанализировать это движение, правая несущая поверхность переднего самолета отвалилась и стала падать. Корпус со вторым крылом, совершив еще несколько беспорядочных движений, пошел вниз. В следующее мгновение от падающей машины отделились два человека и, пролетев несколько десятков метров, раскрыли парашюты. Летчик его собственной машины, следуя движениям идущих впереди машин головного звена, круто взял на себя. ВРД, взыв моторами, свечой полез в облако. В тот момент, когда Старун отметил прыжок второго парашютиста, в наушниках его зазвучал голос: «Старун, Старун, говорит ВРД-2, говорит ВРД-2». Это звал его по радиотелефону аварийный разведчик. Третий из его экипажа остался в падающей машине, чтобы донести: «По-видимому, напоролись на трос заграждения, говорит ВРД-2, слышите?» Старун поспешно сказал в микрофон: «ВРД-2, ВРД-2, прыгайте, прыгайте, я вас видел, донесение принял, донесение принял. Старун».

Рефлекторным движением пальцы переключили радио на передачу телеграфом и стали посылать в эфир позывные:

«Волна... волна... волна...» А глаза не могли оторваться от исчезающей в синеватой дымке у земли аварийной машины: успел ли выскочить последний? Кто был этот смельчак, в котором сознание долга преодолело ужас падения в штопорящей машине, обреченной на верную гибель? Летчик, наблюдатель или радист? Он даже не сообщил своего имени.

Самолет Старуна, пробив облака, вышел под чистое небо. Невероятной чистоты купол открылся над ним. Безмерная яркость света, не затененного ни единым облачком, ни малейшей туманностью. Под самолетом клубились безграничным морем облака. Казалось, что они находятся в непрерывном движении, точно гонимые ветром волны мыльной пены, заполнившей целый океан без берегов, даже без горизонта. Длинной вереницей, как поплавки на поверхности бурливого прибоя, то появлялись, то снова тонули аэростаты заграждения. Погибший разведчик не ошибся: десятки серебристых баллонов тянулись непрерывной чередой с севера на юг.

В наушниках послышалось кряхтенье, потом отчетливый голос: «Волна слушает, волна слушает». Отозвалась рация флагмана. Старун сообщил об аэростатах. Чтобы точно установить начало и конец барража¹², нырнул под облака. Северный конец барража начинался у Верещины и тянулся к Лечне, уходя дальше на юг. По-видимому, это было одно из звеньев пассивной ПВО железнодорожного узла Люблина. Старун донес об этом флагману и, сопровождаемый несколькими патрулями своих ВРД, снова пробил облака. Аэростаты по-прежнему качались в пенном море. Старун приказал атаковать аэростаты. Воспламененные зажигательными ракетами, несколько баллонов взорвались ярко-голубым пламенем. Утратив часть своей опоры, барраж осел, увлекая своею тяжестью оставшиеся аэростаты. Они были теперь видны и под облаками. Этого достаточно.

¹² Барраж – заграждение.

Старун не мог задерживаться для полного уничтожения барража. Хотя подвешенных к аэростатам тросов и не было видно, они уже не представляли опасности и не могли явиться ловушкой для самолетов Дорохова.

Флагман изменил направление полета главных сил. Вся масса самолетов, следуя приказу флагмана, выполнила поворот. Барраж был обойден с севера. Аэростаты могли теперь сколько угодно болтаться под облаками.

На смену холмам, покрытым редкой порослью, пришел лесной массив, простирающийся вдаль огромным черным пятном. Среди темных масс деревьев изредка белели помещицьи усадьбы.

В наушниках капитана Косых послышались позывные флагманской рации. Четким попискиванием кто-то звал:

«Волна, волна, волна»... Косых оторвался от зрительной трубы. В наушнике запищало: «Говорит Роба, говорит Роба». Косых даже не взглянул в код – эти позывные он знал хорошо: его родная часть. Капитан невольно посмотрел в ту сторону, где должны были быть его самолеты. Они летели на крайнем левом фланге первой колонны. Не меньше пяти километров отделяли его часть от флагмана. Косых и Сафар не могли бы найти друг друга в небе, даже если бы промежуток между ними не был занят несколькими десятками рябоватых пятен, похожих на стаи мальков в светлом пруду. Эти пятна казались Сафару неподвижными, потому что двигались с той же скоростью, что и его собственная машина. Только когда его самолет испытывал качку, пятна эти то уходили под крыло и пропадали на фоне земли, то резко проектировались на облачном небе.

Сафар спокойно вел машину по заданному курсу. Переключив управление на автопилот¹³, он лишь изредка поглядывал на картушку¹⁴, – не сошла ли курсовая черта с нужного румба.

Во время полетов Сафар испытывал чувство удовлетворения, почти радости. Источником ее была такая же уверенность в себе, какую он испытывал, купаясь в море. Сафару не нужно было прилагать никаких усилий для того, чтобы держаться на поверхности. Казалось, пожелай он утонуть, и то вода не пустит вниз. Такое же чувство было и теперь.

Но в воздухе оно пришло не сразу. Прежде, когда он летал на большом корабле, этого чувства не было. Самолет был посторонним телом, большим механизмом, который он, Сафар, заставлял держаться в воздухе. Не покидала мысль, что нужно быть начеку: внизу земля с никогда не изменяющей ей силой притяжения.

А когда Сафар перешел на СБД, это чувство исчезло. Пропала мысль о том, что машина «тяжелее воздуха». Послушность машины физиологически, до радостной уверенности в собственных мускулах, возбуждала Сафара. Он не летел, а спокойно плыл в упругой воздушной среде.

Немного ниже и впереди Сафар все время видел машину товарища с ясной двойкой на фюзеляже. Если бы не крылья, она была бы похожа на большого уснувшего сазана, лениво, без движения плывущего по течению медленной реки. Только смешная у сазана спина: через колпак, прикрывающий среднюю часть фюзеляжа, видны движущиеся головы людей.

Внизу, под двойкой, становилось темней. Гуще делался большой лес. Сафар с интересом склонился к трубе. Сафару казалось, что он слышит щебетанье птиц, чует запах влажной тени, лежащей под сомкнутыми вершинами деревьев. Ему даже захотелось в этот лес. Он давно не видел такой массы зелени. Он отвык от нее в степных просторах Украины.

¹³ Автопилот – приспособление, позволяющее самолету сохранять заданное направление полета и устойчивость без участия летчика.

¹⁴ Картушка – диск компаса с нанесенными на него делениями.

Если бы Сафар мог спуститься на землю, он убедился бы, что лес действительно велик. Вершины деревьев сходились, закрывая землю. В их душистой августовской тени было сумеречно и пахло прелым листом. Даже птицы, о которых думал там наверху Сафар, действительно щебетали в ветвях. Но вот вдруг целая стая их, снявшись с дерева, испуганно метнулась в сторону. Даже здесь, на земле, нужно было очень внимательно приглядеться, чтобы понять причину испуга птиц: зеленая масса листвы двинулась и стала медленно вращаться. Вращалась крона, ствол, целая площадка изрезанной корнями земли двигалась вместе с деревом. Оно было только маской, живою, тщательно поддерживаемой маской зенитного орудия, приютившегося в прохладной тени. Медленно, методически вращалось орудие, следя стволом за невидимыми простым глазом самолетами Дорохова.

Если бы теперь посмотреть на этот большой спокойный лес сверху, можно было бы увидеть много таких вращающихся деревьев. Под каждым из них скрывалась зенитка. У каждого орудия молча, застыв в напряженном ожидании, стояла прислуга. Наводчики с наушниками на головах торопливо вращали маховички горизонтальной и вертикальной наводки. Приказания приходили с поста командира батареи, откуда велось наблюдение за движением колонн.

В контрольной трубе командира батареи разбросанная по небу россыпь самолетов-мальков превращалась в машины. Можно было отчетливо разобрать их очертания и даже определить тип машины.

Прислуга у пушек, скорее угадывавшая, чем видевшая в небе серую рябь, нервничала. Солдаты удивлялись тому, что командир позволяет врагу беспрепятственно миновать зону наиболее действенного огня. А командир, видя, что пока идут разведчики, и предупрежденный о движении колонн бомбардировщиков, спокойно ждал, пока в небе на фоне редких облаков не покажутся главные силы.

Справа также терпеливо ждала вторая батарея, слева – третья; орудия настороженно молчали, выжидая наиболее благоприятного момента для открытия огня.

О грозящей колоннам опасности не смогли на этот раз предупредить и разведчики Статуна. Даже зоркие фотоаппараты не обнаружили пушек, спрятанных в густой листве деревьев.

Склоняясь время от времени к окуляру трубы, Сафар видел все тот же зеленый лес. Сафару отлично думалось под ровное гудение винтов, когда внезапно, сразу с нескольких сторон, сверкнули блески разрывов и брызнули черные клочья дыма зенитных снарядов. Автопилот выключен, рука на штурвале. Ухо улавливает приказ флагмана:

«Маневрировать по высоте, не меняя курса». Руки сами дают штурвал от себя на висящие еще в воздухе клочья черного дыма. Разрывы следующего залпа зениток, покрывшие то место, где только что был самолет, остались над головой. Но прежде чем Сафар снова взял штурвал на себя, совсем рядом сверкнули новые разрывы. Еще и еще. Они были так близко, что на мгновение закрыли переднюю машину, всего на мгновение, но, когда их черные лоскутья остались позади, «двойка» соседа уже не занимала привычного для Сафара положения на пятьдесят метров впереди и сорок метров ниже. Круто заворачивая влево, без виража, она стремительно уходила в сторону. Вражеский снаряд сделал свое дело. Не ожидая приказаний, Сафар дал обороты и вышел на ее место. Оглядевшись, он уже не нашел товарища среди хлопьев разрывов.

Скоро разрывы зениток остались сзади. Колонны прошли зону огня. Батареи послали еще залп вслед замыкающим патрулям и умолкли. Собрав донесения частей, Дорохов суммировал потери: во второй и третьей колоннах восемь самолетов сбиты; двадцать один получили легкие повреждения, исправляемые в полете; в первой колонне – один имеет серьезное повреждение органов управления. Это был самолет командира первой колонны. За несколько минут до того как противник начал обстрел эскадры, у его самолета заело трос управления рулем направления. Пока его исправляли, летчику пришлось поневоле оставить строй и делать непрерывный

круг. Тут начался обстрел. Кружащийся самолет был выгодной мишенью для зениток. Прежде чем на нем исправили повреждение, он был подбит. Волков, летевший в соседней с командиром колонны машине, успел еще заметить, как поврежденный самолет командира, потеряв управление, беспорядочными кривыми пошел к земле. Безднадежность его положения Волков понял потому, что тот сбросил сразу все свои бомбы. На земле вспыхнули огоньки кучных разрывов, и взлетело темное облачко дыма и земли. Волков занял место командира первой колонны и донес об этом флагману. Таким образом, командирский самолет был единственным погибшим в первой колонне. Она вся успела пролететь зону зениток, прежде чем их огонь стал поражающим.

Радиослужба противника пыталась мешать работе наших раций, посылала ложные приказания и донесения. Сафар получил циркулярное радио флагмана об этой мешающей работе противника и перестал тратить время на расшифровку явно ложных передач. Но все же эта служба помех сыграла свою роль: флагман принужден был дважды менять шифр. Кто мог поручиться, что противник не знает нашего кода? Нужно было проявить большое чутье и хорошо разбираться в обстановке, чтобы с уверенностью отбрасывать то, что не внушало доверия.

И нет ничего удивительного в том, что Сафар отнесся с недоверием к одной радиограмме, содержащей неразборчивые слова, хотя под нею и была условная подпись Дорохова. Смысл следующей за нею, полученной Сафаром, радиограммы флагмана сводился к тому, что без крайней надобности и без атаки со стороны противника самолетам эскадры в бой не вступать, ни при каких обстоятельствах не уклоняясь с маршрута. В заключение следовал приказ первой колонне Волкова принять на себя роль охранения; разбившись на две группы, отойти на фланги главных сил с превышением до тысячи метров и следовать так до тех пор, пока противник не выйдет из поля зрения.

Сафар решил, что это относится к предстоящим встречам с врагом, и спокойно продолжал полет.

Если бы он не принял плохо понятую радиограмму за фальшивку германо-поляков, то знал бы, что разведкой эскадры обнаружена колонна автожиров противника числом до ста машин, идущая на высоте, несколько превышающей высоту СБД и под углом к курсу эскадры...

Зная, что боеспособность автожиров ничтожна, Дорохов мог допустить лишь два варианта: или это наблюдение, или автожиры имеют целью бомбометание по колоннам его эскадры. Но расчет скоростей показал флагману, что курс автожиров пересечется с курсом эскадры только в аррьергардной части последней. Лишь самый хвост колонны могут зацепить автожиры. В случае отсутствия у автожиров каких-либо агрессивных намерений, присутствие их никак не повредит эскадре, напротив, противник убедится в том, что она движется прямым курсом на Варшаву. Это может сыграть лишь положительную роль в развитии дальнейшей операции: командование противника будет дезориентировано собственной разведкой. Если же автожиры захотят произвести бомбометание по самолетам эскадры, им придется снижаться. Тогда СБД первой колонны атакуют автожиры. Для них не составит труда отогнать тихоходные и неповоротливые аппараты. Отвлекаться же на предупредительный бой с противником, присутствие которого может и не принести никакого вреда, командир эскадры не хотел. Было дорого время и каждый грамм горючего в баках СБД.

Ничего этого Сафар не знал. Он не мог видеть и перестроения колонн, когда СБД Волкова разошлись на фланги эскадры. Эскадрилья Сафара шла в замке левого крыла своей части. Именно Сафару могла угрожать бомбардировка автожиров, если бы они ее начали. Но для Сафара появление их слева и сверху было неожиданностью.

Это было нечто совершенно новое и удивительное, заслуживающее того, чтобы передать флагману. Сафар поспешно послал в эфир позывные флагмана и стал передавать голосом, не шифруя, сообщение о замеченных автожирах.

В наушниках Косых звучал знакомый голос приятеля. Но вдруг он умолк. Передача оборвалась. На повторные вызовы флагманского радиста Сафар не откликался.

В самый разгар передачи Сафар вдруг почувствовал толчок, и машина стала резко заворачивать влево. При этом весь самолет вибрировал так, что стрелки приборов прыгали, как в лихорадке. Две из них, показывающие обороты правого винта, совершали странные движения: они то стремительно подсакивали на критическую красную черточку, то резко падали до нерабочего минимума.

Сафар немедленно выключил передачу к правому винту, и через секунду перед ним уже вспыхнуло на коммутаторе гнездо бортового техника. Пришло донесение: правый винт выбыл из строя. Совершенно оборвана одна лопасть. Это сделала маленькая бомба с автожира. Сафар был единственным, пострадавшим от их нападения.

Лишившись винта, Сафар не мог продолжать полет. Несущая полную нагрузку машина шла со снижением, резко забирая вправо. Сафар лихорадочно обдумывал положение. Заставить машину идти прямо он может, выключив и левый винт. Можно сбросить бомбы, и планирование будет более пологим. Но без бомб какой же смысл в полете, целью которого было бомбометание? Бомбы должны быть сохранены. Однако было совершенно ясно, что маневрирование и даже сохранение направления полета и высоты немыслимы.

Радиостанция Сафара приняла приказ Дорохова: «Колоннам расходиться согласно боевому заданию». Это значило, что эскадра достигла Плешени. Отсюда первая колонна ляжет на курс к Берлину. Вторая и третья должны взять к юго-западу, то есть влево. Со второй колонной должен был взять влево и Сафар. Должен был... Он прикусил себе губу так, что невольно вскрикнул. В ответ на послышавшийся в наушниках удивленный вопрос радиста приказал донести флагману о случившемся.

Пока идущие впереди части выполняли маневр, пришел приказ Сафару, оставив строй, по собственному усмотрению найти место для посадки. Дальше действовать по инструкции.

Сафар знал, что это значит: посадка на вражеской территории влекла за собой уничтожение самолета. Сафар хорошо помнил инструкцию, но никакие параграфы не могли сделать простым и легким уничтожение собственной машины. Однако нужно было выходить из строя, чтобы не задерживать перестроение эскадрильи и маневр всей части.

Попрощавшись с эскадрилей, Сафар оставил строй.

Он с тоскою смотрел, как исчезает на юго-западе вторая и треть колонны Дорохова. Где-то там в голове второй колонны, на флагманском самолете, сидит Сандро Косых. Он, наверно, уже вычеркнул из состава эскадрильи его «тройку». Может быть, он даже и не подумал о том, что на этой «тройке» летит Сафар. Ну нет, Косых не мог забыть о нем! Разве Сафар не был его другом?

Тут он поймал себя на том, что думает о себе в прошедшем времени, точно о покойнике. Дудки! Он еще посмотрит, что из всего этого получится. Не удастся ли Сафару выбраться? Вдруг возьмет да и не утонет бывший амбал? Даром, что ли, он плавает как пробка?

Между тем первая колонна Волкова быстро уходила на северо-запад. Скоро последние черточки ее машин исчезли в затянувшемся облаками небе.

Сафар был уже много ниже этих облаков, скрывших его товарищей. Самолет Сафара остался один. Совершенно один над чужой страной. Стрелка высотомера шла вниз. Больше не было надобности так старательно удерживать направление. Сафар принял затекшую ногу, и самолет плавно заскользил к земле.

Теряя высоту, Сафар мог уже без помощи трубы видеть землю. Темно-синий массив леса перешел в серую рябь кустарника. Дальше тянулись гряды невысоких холмов. Холмы были

пустынны. Никаких объектов для использования своих бомб Сафар не видел. А он твердо решил не садиться, не истратив с пользой бомб. Поэтому, придав машине минимальный угол снижения, на каком она тянула, не проваливаясь, Сафар снова повел ее по прямой.

Отсутствие пронзительного свиста пропеллеров и монотонного гудения турбины создавало теперь, при свободном планировании, иллюзию полной тишины. Мягко шуршали крылья, да тоненьким голоском пел саф. Если летчик давал штурвал от себя, голос сафа делался смелей, переходил на дискант; подбирал на себя – и саф снова возвращался к робкому альту.

В узкий люк штурманской рубки просунулся бесформенный ком из кожи и меха. Сквозь запотевшие стекла очков Сафар увидел глаза штурмана.

Покосившись на альтиметр, Сафар увидел, что высота уже всего около четырех с половиной тысяч. Он отодвинул намордник респиратора. Штурман сделал то же и застенчиво улыбнулся. Точно он был виноват в случившемся. Сафар поманил его к себе:

– Глянем на карту.

Штурман с трудом втиснул неуклюжее от громоздкой одежды тело в командирский отсек и протянул планшет:

– Как скверно получилось, а?.. Надо искать хорошую посадку.

Сафар сердито вырвал планшет:

– А я вас, товарищ штурман, комсомольцем считал.

Штурман поднял на него удивленные глаза и обиженно спросил:

– Вы к чему, товарищ командир?

– Нас сюда для хорошей посадки посылали?

– Так у нас же бомбы... тысяча килограммов. С ними на незнакомой местности...

– Знаю. Еще что?

– Да... все.

– Миша, – вдруг тепло сказал Сафар, – ты не помнишь, какой это парень однажды говорил на собрании: «Нам партия потому и доверила высокую честь нести знамя передового комсомольского экипажа, что мы сумели использовать нашу замечательную советскую технику до дна, как Сталин учил. Овладевайте ею, и вы увидите, что для советских летчиков невозможное не существует». Я вот забыл, кто это говорил, а?

Штурман отвел глаза.

Сафар протянул ему планшет:

– Где мы?

Штурман пометил карандашом место. Сафар глянул вниз. Действительно, по ним узкой ленточкой вилась река Проста. Ее долина уходила на юго-восток к Калишу. Далеко к северо-западу была станция Яроцин. Логика говорила о том, что если экипаж ищет безопасной посадки на ровном поле, подальше от населенных мест, то под самолетом для этого самое подходящее место. Но Сафар спросил штурмана:

– Миша, мы до Яроцина дотянем? Может, там что-нибудь найдется для ворошиловских наших ягодок? Посчитай-ка.

Штурман вооружился счетной линейкой. Белая целлулоидная дощечка казалась до смешного маленькой и неуместной в меховых лапищах перчаток. Но умелые пальцы ловко оперировали движком. Сафар с нетерпением следил за расчетом. Штурман замешкался. Он о чем-то думал, глядя на карту.

– Товарищ командир, Гиго, погляди. До Калиша немногим дальше, чем до Яроцина, может быть, дотянем? А ведь Калиш это же вещь... большой узел... Вон сколько путей сходится. Может, там склады или что...

Глаза Сафара заблестели.

– На худой конец, там этих эшелонов сейчас видимо-невидимо, – мечтательно проговорил он. – А в эшелонах немцев-то, немцев...

Сафар старательно вел машину по линии, прочерченной штурманом. Линия шла прямо к Калишу, срезая излучины Просны. Справа белела на земле такая же строгая линейка шоссе.
– Эх, ты, птичка комсомольская! – радостно крикнул Сафар. – И летуча же ты у нас.

21 ч. 00 м. – 21 ч. 14 м. 18/VIII

Темно-синей полоской тянется по гребням пологих холмов лес. Размашистой дугой опоясал он извилистую долину Просны. Равнина, будто устланная лоскутным ковром, пестрит ключьями полей. Зеленые, подчас почти бирюзовые, желтые, как золото, буро-серые, красные, черные; клиньями, квадратами, трапециями и ромбами слепились эти ключья в одну неразрывную пестрядь. Беспорядочно разбросаны по ней деревеньки. Домики в деревеньках убогие. С глиняными стенами, с кровлями из темной гнилой соломы. Неправильными рядами разбежались домики вдоль просторных улиц. На задах деревень зелеными грядами легли огороды. Капустные кочны с тугими голубыми листьями, ровная темная зелень картофеля. Дальше, за картофелем, красные от ягод кусты смородины и малины. Среди малинника чучело в истрепанном военном мундире, со стальной каской вместо головы. В тихом предвечернем воздухе безжизненно повисли рукава мундира. Привыкшие к чучелу воробьи безбоязненно лакомятся смородиной. Поближе к дому, между грядами и забором, протянул свою длинную шею к небу журавль колодца.

Вечереет. Густая тень плетня ложится на белую стену домика. Низкое солнце багровым заревом зажигает стекла крошечного оконца. Лучи насквозь просвечивают дом. Нет в нем ни перегородок, ни мебели; нет и людей. Сквозь тонкие подрешетины видна солома крыши. Стены дома изнутри неприглядные, желтые. По желтому картону идут тонкие планки остова. И весь-то домик оказывается сделанным из картона на тонком каркасе.

Второй дом, третий, пятый, десятый – вся деревня картонная. Даже вот этот на пригорке в центре деревни, украшенный полосатой вывеской казенного кабака, и он из картона. Напрасно любитель выпить стал бы искать в нем стойку и за нею толстопузого сидельца в засаленном фартуке. Он увидел бы в центре кабака стальную трубу, выходящую из пола и упирающуюся в крышу. На крыше, над трубою, стеклянное полушарие. В его линзах отражается купол вечернего неба. У подножья трубы широкий провал люка с ведущими вниз железными ступенями. Там, где они кончаются, решетчатая дверь подъемной шахты. А внизу, на глубине двадцати метров, на дне шахты, спокойно стоят лифты. У освещенных электричеством кабинок дремлют лифтеры в форме германских солдат. Прямо против лифтов дверь с белой эмалированной дощечкой «Дежурный офицер». Написано по-немецки.

Дежурный обер-лейтенант сидел перед большим матовым стеклом панорамы. В стекле ничего, кроме голубого неба и редких белых неторопливых облачков, но обер-лейтенант смотрит внимательно, посасывая сигаретку. Когда сигаретка кончается, офицер на миг отрывается от наблюдения, чтобы взять новую. И опять смотрит внимательно, не отрываясь.

На столике рядом с ним звякнул телефон. Привычным движением офицер протянул руку:
– Обер-лейтенант Штиль.

Громко и отдельно звучало в трубке:

– Пост номер шесть слышит самолеты.

Прежде чем лейтенант положил трубку, задребезжал новый звонок, и вспыхнуло другое гнездо коммутатора.

Наверху оживала деревня.

Из труб, как по команде, хлопотливыми хозяйственными клубами повалил дымок. Ворота домов открывались, выезжали двуколки, возы, аккуратно нагруженные и увязанные, все как один. В поле, откуда ни возмись, замахала длинными руками лобогрейка. Вся округа ожила как по мановению чародейской палочки. На широких улицах, до того совершенно

пустынных, появились люди. Они ритмическим солдатским шагом ходили до околицы и обратно.

Странные жители. И костюм на них необыкновенный: форменные брюки и военная куртка, а на головах шляпы польских крестьян. Но сверху они казались такими же, как и по всей юго-западной Польше, – пленка «маршрутного разведчика» фиксировала только микроскопические точки крестьянских шляп.

К тому времени как ожила округа, разведчики Старуна были уже над мирными деревнями. Хозяйственный полковник отметил отсутствие пустошей в полях, движение сельскохозяйственных машин. Видимо, край спешил покончить с полевыми работами, пока сюда не перекинулось пламя войны.

Полковник Старун и не подозревал, что вместе с темнеющим польским небом, вместе с разорванными клочьями облаков все его разведчики собраны линзами купола над «казенным трактиром» и четким изображением отброшены на подземную панораму. Вокруг нее столпились офицеры. В их взглядах было нетерпение. Но командир подземной зоны смотрел на черточки самолетов подчеркнуто равнодушно.

Чтобы успокоить офицеров, он сказал:

– Терпение, господа, это разведчики. Их главные силы проходят в пятидесяти километрах к западу. Мы должны ударить им в хвост. – Он оглядел затаивших дыхание офицеров: – Итак, задача ясна? Противник должен быть задержан во что бы то ни стало. Прошу разъяснить это всем офицерам. По секторам, господа. Командирам отрядов задержаться.

Командиры звеньев поспешно разбежались. Командиры отрядов стояли перед капитан-лейтенантом.

– Поближе, господа.

Они сошлись плотным кольцом.

Он понизил голос до шипящего шепота:

– Все, решительно все проверять лично. На нижних чинов не полагаться ни в чем. Понятно?.. Вы свободны.

Он опустился на табурет перед панорамой. Адьютант надвинул на лампу темный экран. Ярче выступило на матовом стекле панорамы озаренное багрянцем заката небо. Разведчики прошли. Ничего, кроме облаков, не осталось на небосводе. Капитан-лейтенант сидел у пульта, положив палец на небольшую панель с кнопками сигналов. Розовел в отсвете панорамы гладко выбритый подбородок. На воротнике яркая желтизна петлиц с серебряным шитьем дубовых листков и между петлицами тяжелый крест – *Pour le merite*¹⁵ – память покойного императора.

– Господин капитан-лейтенант, одиночный бомбардировщик над зоной, – негромко проговорил адъютант.

Действительно, в поле зрения панорамы входил одинокий большой самолет.

На крыльях и оперении ясно были видны советские звезды. Он шел необычайно низко.

Командир, не оборачиваясь, бросил адъютанту:

– Третий сектор. Одно звено. Снять!

Сафару приходилось туго. Машина дотягивала последние километры. Высоты осталось пятьсот метров, до Калиша не дотянуть. Подходящей цели все нет как нет. Не сбрасывать же бомбы на копошащиеся под ним мирные деревушки! Жители даже не прятались при его приближении, по-видимому, ничего не понимая в опознавательных знаках.

Ничего не оставалось, как садиться. Благо места для посадки было кругом сколько угодно: не угодить бы только поперек борозд пахоты, остальное неважно. Тормозные колеса дают возможность обойтись минимальным пробегом. С этой стороны все почти спокойно.

¹⁵ «За заслуги» (*фр.*) – орден в кайзеровской Германии.

Почти! Вот именно – почти. Но мало ли случайностей скрыто в самом факте посадки на неизвестное поле с тонной бомб на борту? Инструкция ясно говорит: «Если имеется возможность, то перед совершением вынужденной посадки на незнакомой местности командир должен сбросить на парашютах весь экипаж самолета и садиться один». Смысл инструкции ясен, пояснений не требует.

Высота подходила уже к пределу, дальше которого экипаж не сумеет воспользоваться парашютами. Как ни тяжело было Сафару расставаться с товарищами, он отдал приказ:

– Прыгать всем.

Из люка показалась голова штурмана. Сафар сделал свирепое лицо и жестом показал: «Прыгать!» Глянув сквозь застекленный пол, он увидел, как из-под фюзеляжа падают его товарищи. Миг – и над падающими, как язык пламени, взвивается хвост парашюта, расцветает упругим пузырем шелковое полушарие. Сафар считал прыгающих. Два! Он подождал. Третьего не было. Сафар обернулся к штурманской рубке. Подняв расширенные глаза на командира, Миша молча указал на землю. И тут Сафар увидел: зады деревушки, над которой шел самолет, стали быстро отъезжать от домов. Чучело на огороде весело замахало руками. Вместе с усыпанными ягодой кустами оно стремительно удалялось от оставшегося на месте колодца. Огород раскололся пополам. Кочны капусты удалялись от неподвижной картошки.

Четыре минуты

В бетонном подземелье, на глубине двадцати пяти метров, стоял нестерпимый шум. В первый момент нельзя было даже определить его природу, так он был силен. Лишь привыкнув, ухо выделяло царящий надо всем рев авиационных моторов. Выстроившиеся под ослепительными лампами истребители сверкали дисками вращающихся пропеллеров. Выше и где-то в задней части подземелья могучими голосами выли вентиляторы. Гонимые вихрем пропеллеров, засасываемые широкими раструбами вентиляторов, струи выхлопных газов синим стремительным потоком неслись под сводами.

Казалось, люди в самолетах и у механизмов не замечали этого адского шума и вихря. Их глаза были устремлены на офицера, сидящего в стеклянной будке у стены. Перед офицером белел щит управления. Голова офицера была закрыта толстым звуконепроницаемым шлемом с телефонными трубками на ушах. Он один слышал голос из центрального поста. Повинуясь этому голосу, он нажал кнопку. На белой доске загорелась яркая надпись «приготовиться». Такие же надписи вспыхнули в разных концах подземелья. Летчики скосили глаза на свои контрольные приборы. Нажим другой кнопки, – и экран перед офицером посветлел. В нем отразилось вечернее небо, зады деревни с ее огородами, стандартными кустами малины, чучелами, с глядящими в небо журавлями колодцев.

Реагируя на новый телефонный приказ, офицер нажал другую кнопку. К общему шуму примешался могучий гул. Заработали мощные электромоторы, приводящие в движение покрытие подземного ангара. Потолок стал плавно отходить. На миг все головы поднялись к ясному, позолоченному закату небу. Тяжелое плетение стальных ферм отходило, все больше неба, больше света. Летчики, как по команде, опустили очки на глаза.

Новая кнопка, рубильник, моторы.

Передняя катапульта со стоящими на ней самолетами быстро и плавно придвинулась к прорези в потолке, поднялась, закрывая собою светлую полосу неба, и выбросила в воздух свою ношу. Взлетели два истребителя, за ними еще два. Воем взмывших истребителей загудели пустые картонные домики. Через двадцать секунд на месте первой катапульты была новая. И с нее четыре машины взвились навстречу одиноко плетущемуся над самой землей советскому самолету.

Его изображение в панораме главного поста делалось все больше, яснее. Он подошел так близко к земле, что истребители не решались его атаковать. Командиру подземной зоны нужно было уже выпускать в воздух все свои самолеты. Они должны были лететь вдогонку за прошедшими стороною главными силами большевиков. А этот дурацкий одинокий самолет грозил смешать карты. Посылать истребители – значило сознательно идти на столкновение вылетающих из-под земли машин с этим безумцем, уничтожать собственную материальную часть, губить своих людей. Надо было задержать вылет своих истребителей из-под земли, пока не собьют большевика. Но командир зоны не мог пожертвовать ни одной минутой, – от своевременного вылета его самолетов зависел исход большой операции. Капитан-лейтенант в бешенстве рвал телефон. Адъютант помчался в лифте наверх, чтобы руководить попыткой снять большевика огнем с земли. Крестьяне в мундирах, припав на колени, посылали в воздух ружейные залпы. Из-под фанерных щитов, изображающих кучи навоза на телегах, засверкали пулеметные очереди.

Сафар подходил к земле. Радиус его правого виража все уменьшался. Стрелка альтиметра быстро склонялась к нулю. Еще хоть несколько минут! Держа одной рукой штурвал, он другою лихорадочно настраивал передатчик. Прошла минута, пока флагман отозвался на позывные и Сафар мог передать ему о том, где он и что делается под ним. Он глазами пытался

сосчитать открывающиеся щели подземных аэродромов, но в конце концов просто сообщил: «Очень много. Не успею сосчитать. Постараюсь сделать, чтобы стало меньше».

Он бросил передатчик и вызвал по переговорному штурмана:

– Планирую спиралью. Бросай в щели.

– Есть бросать в щели.

Машина снижалась. Она со свистом неслась над зоной подземных аэродромов. Казалось, она ищет столкновения с поднимающимися истребителями.

Видя в своих экранах самолет, который, как помешанный, кружит в спирали над выходными отверстиями аэродромов, германские командиры прекращали выпуск истребителей. Катапульты замирали. Наступила растерянность. Уже несколько минут ни один из десяти аэродромов не выбрасывал в воздух своих истребителей. Капитан-лейтенант отдал адъютанту приказ:

– Командиру седьмого отряда в одиночку таранить противника.

Но прежде чем адъютант передал приказ по назначению, каземат командира зоны дрогнул от страшного взрыва. Погас свет. Широкая трещина легла поперек стекла панорамы... Медленно, точно в задумчивости, осела стальная труба перископа вместе с бетонным перекрытием. Кучи земли и распыленного бетона рухнули в каземат.

Миша думал, что промахнулся. Первая двухсотпятидесятикилограммовая бомба вместо аэродромных ворот упала прямо в соломенную крышу «кабака».

Сафар не знал, что под этой крышей был мозг всей зоны. Он крикнул в микрофон:

– Михаил, ты комсомолец или шляпа? Если промахнешься еще раз...

Миша и сам знал, что мазать нельзя – осталось три бомбы. Машина неслась впритирку к земле. Предметы на земной поверхности мелькали перед глазами как бешеные. В прицел нельзя было поймать ничего... Штурман рванул бомбосбрасыватель, освобождая следующую бомбу.

Силою взрыва машину подбросило с хвоста так, что Сафар с трудом вытянул ее на себя. Она ушла от земли, едва не задев трубы домов.

Но зато сквозь стекла пола Сафар увидел, как взметнулись вверх огороды. Огромным пауком поднялась из-под земли катапульта. Черный дым и языки пламени скрыли остальное.

Теперь высота была такая, что ее не хватит больше, чем на одно сбрасывание. На следующем самолет воткнется в землю. Сафар приказал:

– Залп двумя бомбами.

И тотчас почувствовал, как мощным потоком машину швырнуло вперед. Все стекла в полу самолета вылетели внутрь рубки.

Кратер вулкана раскрылся под деревней. В него посыпались домики. На воздух поднялись в беспорядке сцепившиеся истребители и грудой рушились обратно. Пламя взвивалось выше, чем шел Сафар.

Бомбы кончились. А там впереди раскрылись новые ворота еще одного подземелья. Дотянуть бы, только бы дотянуть туда! Мысли неслись в голове Сафара быстрее, чем его машина над землей.

«Бомбы все... нет больше бомб... Но есть еще комсомольская птичка и в ней лейтенанты Миша и Гиго. Бери их, Родина, бери, партия, своих сынов!»

Он схватил микрофон:

– Прощай, Миша!

– Гиго, милый Гиго, да здравствует Сталин и великая Родина!

Сафар потянул на себя штурвал. Машина задрала нос. В мозгу вихрем понеслись образы: Косых, Олеся, Гроза... «Сухие у тебя мозги, майор Гроза», – мельком подумал Сафар, и прежде чем задравшаяся машина успела скользнуть, всем своим огромным телом он навалился на штурвал, отжимая его от себя. Самолет повалился на нос. Струя ветра с воем ударила под

разбитый козырек колпака, сорвала с Сафара очки и шлем. Сафар с силою дал правую ногу, направляя самолет в зияющую щель аэродромных ворот.

Дробя и ломая стальное плетение ферм, самолет врезался в гущу готовившихся к вылету истребителей. Сразу несколько машин загорелись. Самолет был слишком велик, чтобы исчезнуть под землей. Его хвост торчал из ворот. Веселые языки пламени хлопотливо лизали смятый металл фюзеляжа, поднимаясь к пылающему закатному небу.

21 ч. 00 м. 18/VIII

Из записок фельдмайора Бунка

«Вторые сутки Бурхард живет на никотине. Садясь за машинку или к аппарату прямого провода, я не попадаю пальцами в клавиши. До меня как из-за ватной стены доносится голос Рорбаха, делающего очередной доклад. А он железный, этот Рорбах!..

Генералы сидят друг против друга, подтянутые и настороженные. Бурхард, не спуская глаз с карты, ловит каждое слово начальника штаба. Тот сухо выкладывает:

– ...далее в районе третьей армии бомбардировщики пытались проникнуть к нашим перегрузочным пунктам Поморжаны и Стрыя. Они отбиты с потерями. Однако одной советской штурмовой эскадрилье удалось прорваться к автодорожному узлу Коломыя и внести панику в момент высадки химических войск. Имели место повреждение бомбами баллонов с ОВ. Произошло массовое отравление наших войск.

Бурхард:

– Опять штурмовики! Я же предупреждал вас, генерал: максимум внимания охране наземных войск от налетов. Я попрошу вас...

– Ваше превосходительство, – Рорбах сделался еще суше, – земля сама зевает. Мы не вездесущи и не всевидящи. Их штурмовики идут на бреющем полете по сто километров в глубь нашего расположения.

– Все время на бреющем?

У Рорбаха появилась нотка торжества, точно речь шла об его собственной заслуге:

– Да, ваше превосходительство, местами пятнадцать метров. Борьба средствами одних воздушных сил невозможна. Мы их просто не видим. Я уже докладывал о необходимости наземными средствами затруднить противнику пользование идущими в наш глубокий тыл удобными долинами рек, прогалинами лесов. Мы предвидели: все это будет подступами для штурмовиков.

– Нужно телеграфировать ставке.

– Пехота сама должна обороняться пулеметами. Здесь, собственно говоря, даже не нужна зенитность. Огневая завеса пулеметов могла бы остановить любую атаку штурмовиков. Особенно страдает от штурмовиков пехота.

Бурхард повернулся ко мне:

– Со слов генерала Рорбаха вы передадите в ставку телеграфный доклад: мы снимаем с себя ответственность за все, что лежит ниже ста метров и будет прозвано наземными войсками. Мы еще раз указываем командованию, что пехотным частям должны быть немедленно приданы офицеры военно-воздушных сил для связи и инструктажа. Немедленно.

Он раздраженно ткнул окурок в переполненную пепельницу и потянулся за свежей сигаретой. Рорбах молчал. Бурхард спросил:

– Все?!

Рорбах бережно провел по карте жирную линию. От города Радома она упрямой красной чертой потянулась в юго-западном направлении через Калиш, Остров, пересекая германскую границу, подошла к Бреслау.

- Советская эскадра, – лаконически бросил Рорбах.
Брови Бурхарда поднялись.
- Она движется сюда, – показал он на Берлин.
- Нет. Последние донесения: выше Калиша большевики разделились. Всего двести с чем-то машин идут к Берлину. Остальные, числом примерно четыреста, повернули на юго-запад.
- Наша агентура ни к черту не годна. Генерал Александер спит. Разве нельзя было знать это заранее? Что им там нужно? Неужели Бреслау?
- Боюсь, что хуже, – сказал Рорбах.
- Но ведь больше там ничего нет, – Бурхард оживился. – Вы не думаете, что они могут вот отсюда повернуть на северо-запад? Они хотят подойти к Берлину с двух сторон.
- Берлин? Зачем он им нужен?
- Столица!
- Судя по численности машин в колоннах, нечто более существенное интересует их именно здесь, в южной Германии.
- Жуя папиросу, Бурхард уставился в карту.
- Вот! – выкрикнул Рорбах и коротким движением карандаша охватил весь юго-восточный угол Германии. – Здесь добрая половина военной промышленности страны.
- Бурхард даже откинулся в кресле. Он хмуро глядел на отрезанный смелым карандашным мазком угол Третьей империи.
- Дрезден, Мюнхен, Нюрнберг, Штутгарт, – бормотал он.
- Радиус действия машин, находящихся в строю советской эскадры, допускает такой рейд при сохранении большой бомбовой нагрузки. Мы просчитались в надежности прифронтового пояса обороны.
- Южный промышленный район все же велик. Они должны были избрать более узкую цель.
- И, конечно, избрали. Логика говорит за то, что первыми должны быть уничтожены заводы, поставляющие нам наиболее активное оружие, – авиацию, бронемшины, ОВ.
- Так.
- Значит, первый удар должен быть нанесен здесь.
- Рорбах очертил кружком город Нюрнберг.
- Руки коротки. На Нюрнберг не упадет ни одна бомба.
- Да, нужно постараться, чтобы не упала.
- Ни одна, – решительно повторил Бурхард.
- Максимальные усилия обороны будут сосредоточены именно здесь – на линии Регенсбург – Цвикау. Но первая наша задача заключается в том, чтобы не допустить советскую эскадру до этой линии вообще.
- Это верно.
- Я распорядился...
- Вы распорядились? – раздраженно переспросил Бурхард.
- Вашим именем. Все наличные силы сосредоточиваются над районом Мариенбад – Карлсбад – Теплиц – Либерец и ожидают ваших приказов по радио. Сюда же бросаются истребители Герлицкой зоны «U»¹⁶.
- Они опоздают.
- Нет. Они уже вылетели. Четвертая высотная дивизия, летящая к армии генерала Шверера, меняет направление и идет сюда же.
- Это невозможно.
- Это необходимо.

¹⁶ «U» – обозначение подземных аэродромов в имперских ВВС.

Бурхард сделал протестующий жест:

– Я не могу отменить распоряжение ставки.

– А вы можете, ваше превосходительство, – голос Рорбаха звенел, – взять на себя ответственность за уничтожение узла Фюрт – Нюрнберг? Если мы хотим спасти Нюрнберг с его заводами, нельзя терять ни минуты.

Я видел, какая борьба происходила в Бурхарде. Рорбах положил перед ним лист приказа. Бурхард подписал не глядя.

– Первая часть вашего приказа уже выполнена, – сказал Рорбах, – все части, назначенные для операции, – в воздухе. Остается вторая часть: уничтожить врага. И этому может помешать только одно – темнота. В нашем распоряжении, к сожалению, минуты. Солнце уже у горизонта.

Бурхард сидел за столом, осунувшийся, постаревший. Он снизу вверх посмотрел на Рорбаха:

– Может быть, бросить наперез противнику части западного сектора обороны Берлина?

Рорбах заговорил почти покровительственно:

– Во-первых, Берлин – столица, ее общественное мнение надо щадить. Во-вторых, части ПВО придут к месту столкновения, израсходовав все топливо. В-третьих, мы ведь не знаем намерений северной колонны, а в ней свыше двухсот машин. В наших интересах втянуть эту группу в бой. Она слабее воздушной обороты столицы. Там мы ее уничтожим, какие бы цели она ни преследовала. Мы постараемся завлечь ее к Берлину. К тому же мы по радиодепешам противника можем судить, что ею командует бригадный комиссар Волков.

– Волков? – равнодушно переспросил Бурхард.

– Так точно, Волков. Это очень смелый, я бы даже сказал, отчаянный начальник.

– Что же, вы их командиров знаете так же, как своих?

– Лучше, ваше превосходительство, – улыбнулся Рорбах. – За их командным составом я слежу уже четыре года, а наши командиры мелькают, как метеоры. Я не всегда успеваю с ними даже познакомиться.

Бурхард примирительно протянул руку:

– Ладно, больше этого не будет. Я вам обещаю.

– Боюсь, что обещание несколько запоздало, ваше превосходительство.

– Лучше поздно, чем никогда, господин генерал.

– Иногда поздно – это и есть никогда. Разрешите идти?

– Вы свободны, генерал!»

21 ч. 17 м. – 22 ч. 10 м. 18/VIII

Советские самолеты шли на запад.

Капитан Косых с болью отметил выбытие Сафара и поставил на его место, во главе эскадрильи, другую машину.

Колонны продолжали жить напряженной боевой жизнью. Ход операции становился капитану Косых ясен. По-видимому, расчет командования был верен: уход второй и третьей колонн Дорохова с берлинского направления оказался неожиданным для противника. Несмотря на то, что колонны удалились уже более чем на тысячу километров от своей границы, они не встретили сколько-нибудь серьезного сопротивления. Авиация противника прозевала время для удара или была отвлечена движением Волкова. Тем труднее придется Волкову. Все силы противника обрушатся на его малочисленную колонну. И все же он должен будет пробиваться к столице, чтобы отвлечь на себя немцев.

Солнце было уже у горизонта. Поверхность далекой земли тонула во мгле.

Судя по всему, главные силы не встретят сопротивления в воздухе. Не пойдет же противник на ночной бой!

Если бы не кислородная маска, вероятно, на лице Дорохова можно было бы увидеть улыбку удовлетворения. Капитан Косых услышал приказание перестроить колонны в ночные походные порядки и вынести разведку на большее расстояние вперед.

Но флагманская радиостанция не успела отправить это распоряжение. Разведка Старуна донесла о скоплении самолетов противника сразу в двух секторах: первом и втором. Плохая видимость не позволяла с точностью определить состав неприятельских сил. В них присутствовали различные виды авиации. В наибольшем числе были обнаружены истребители, движущиеся на большой высоте в направлении главных сил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.